

Синдром Джека-потрошителя

Автор:

Влада Ольховская

Синдром Джека-потрошителя

Влада Ольховская

Леон Аграновский и Анна Солари #1

На улицах мегаполиса появляется маньяк, похожий на легендарного Джека-потрошителя. Новый Джек куда опасней: в его распоряжении все возможности двадцать первого века, его жертвой может стать любая женщина, которую он сочтет продажной, – а значит, от безумного убийцы не застрахован никто. Он так искусно скрывается от полиции, что остается для своих преследователей призраком. На него выходят лишь двое: бывший следователь Леон Аграновский и специалист по серийным убийцам Анна Солари. Но для того, чтобы отыскать Джека и остаться в живых, им придется сначала преодолеть демонов из собственного прошлого и понять: чем они лучше чудовища, за которым охотятся?..

Влада Ольховская

Синдром Джека-потрошителя

© Ольховская В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Старая деревянная дверь содрогалась от ударов, сыпавшихся на нее со стороны коридора. Знакомый хриплый голос подвывал:

– Светка, открой! Открой, это срочно! Мне надо поговорить!

Света тяжело вздохнула; ей хотелось плакать от бессилия. Она вымоталась на работе, промокла под дождем, у нее голова кружилась от усталости, и она так надеялась, что хотя бы сегодня ей удастся спокойно отдохнуть. Так нет же, явилось это чудовище!

Мало кто доволен своими соседями по коммуналке, однако Света считала, что ей достался совсем уж гиблый вариант – и непонятно, за какие грехи. Если бы бабушки у подъезда по-прежнему делили людей на наркоманов и проституток, Валентина Суркова поборолась бы за лидерство в обеих номинациях. Света уже не помнила, когда ее соседка стала оставлять в общей ванной и коридоре первые использованные шприцы – кажется, целую вечность назад. Бороться с ней было бесполезно, с каждым годом становилось только хуже, и в свои двадцать пять Тина выглядела как потрепанная, побитая жизнью тетка.

Поэтому Света старалась обходить ее стороной, не здороваться, даже не смотреть в глаза, чтобы случайно не привлечь ее буйное внимание. Обычно эта стратегия работала – но не сегодня. Сегодня Тина сама явилась к ней и начала барабанить в дверь ее комнаты в час ночи.

– Оставь меня в покое! – крикнула Света, даже не приближаясь к двери. – Пошла вон отсюда, а то полицию вызову!

– Светка, не надо полицию! Ну открой, это важно, мне надо сказать... Ну пожалуйста!

Свете очень хотелось, чтобы соседку уgomонил кто-то другой. Но кто? В квартире под ними живут пенсионеры, которые, даже разбуженные этим шумом, и пикнуть не посмеют, они Тину боятся как огня. Третью комнату в коммуналке занимает бывший зэк, и он бы мог унять Тину, если бы она ему мешала. Но она

не мешала: на зоне он полностью потерял слух, и теперь его не могли побеспокоить никакие вопли.

А вот Света пережить бурю не могла. Старенькая дверь, которая и так слишком много видела на своем веку, грозила в любой момент сломаться под ударами этой сумасшедшей. За спиной у Светы испуганно жались друг к другу ее маленькие дети, разбуженные внезапным появлением «злой тети». Ей нужно было сделать хоть что-то, чтобы они чувствовали: мама сильная, мама их защитит.

Но что? Вызвать полицию? А те могут и не приехать! В дежурной части их адрес прекрасно знали. Там Тину почему-то считали «забавной и безвредной». Если настаивать, они пришлют машину, однако тогда дело точно затянется до рассвета.

Поэтому для начала Света решила просто поговорить с соседкой. Она повернулась к детям и кивнула на шалаш из пледов, который она соорудила им на двухъярусной кровати:

– Пора поиграть в прятки! – Света старалась, чтобы ее голос звучал спокойно и даже бодро, чтобы дети не чувствовали ее болезненную усталость. – Прячьтесь там, как я учила, хорошо? Затаитесь как мышки, а мама прогонит страшную Бабу Ягу и вернется к вам!

– Светка! – донеслось из коридора. – Скорее! У меня тут... плохо все...

Свете отчаянно хотелось высказать ей все, что она думала о ней и ее проблемах. Но она не могла – не хотела, чтобы ее дети слышали такие слова. Поэтому она дождалась, пока ее дочери заберутся в шалаш, закрыла вход туда одеялом, чтобы они точно не увидели беснующуюся соседку, и направилась к двери.

Она сделала глубокий вдох, собираясь с силами. Света который раз напомнила себе, что она взрослая, ей уже тридцать и, раз ей некого позвать на помощь, нужно разбираться с трудностями самой. Она открыла дверь с полной убежденностью, что будет контролировать этот разговор, быстренько уймет наркоманку и отправится спать.

Однако все сразу пошло не так, как она ожидала. Тина, которая посреди ночи обычно слезливо просила денег на очередную дозу, ворвалась в ее комнату ураганом. Она сунула в руки оторопевшей соседке какой-то бесформенный комок, легкий и немного влажный, и заговорила, быстро-быстро, словно ей на этот разговор отвели всего минуту.

– Вот, возьми, это тебе! Мне они не нужны, они плохие, в них есть что-то плохое... Но ты сможешь их очистить! Я вот подумала: если они плохие, то нужно отдать их на что-то хорошее, и они очистятся! А ты хорошая, правильная...

Света почти не слушала ее, не в силах отвести взгляд от соседки. Наркоманка со стажем, которая начала обслуживать клиентов еще до совершеннолетия, по определению не могла выглядеть ухоженной леди. Но сегодня Тина смотрелась совсем уж потусторонним существом: бледная до пепельного оттенка, с пугающими кругами под глазами и растрепанными сальными волосами, в шелковой ночной сорочке, покрытой пятнами крови, она казалась мертвецом, только что вернувшимся из морга. Ее глаза сияли безумием, однако это безумие в кои-то веки не было наркотическим. Света наблюдала за ней достаточно долго, чтобы определить: сегодня ее соседка ничего не принимала. Но что бы ни вызвало помешательство Тины, оно действовало на нее сильнее, чем любой наркотик.

Оправившись от первого шока, Света наконец перевела взгляд на комок, который ей сунула в руки Валентина. Ей поначалу показалось, что это старая, заляпанная краской газета. Но, присмотревшись внимательней, она обнаружила, что держит деньги – смятые купюры, перемазанные кровью.

Она отбросила от себя комок, словно он вдруг превратился в гремучую змею, и инстинктивно сделала шаг от соседки. Так Света оказалась в коридоре... и стало только хуже. Потому что деньги были и здесь: аккуратные пачки, перевязанные банковскими лентами, и отдельные скомканные бумажки. Рядом с ними на плохо покрашенных стенах остались кровавые отпечатки ладоней: похоже, Тина шла, опираясь на стены. След из крови и денег тянулся к небольшой спортивной сумке, лежащей у входной двери. Как зачарованная, Света подошла к сумке, заглянула в нее и обнаружила, что та почти полностью забита деньгами, соседка вытащила лишь небольшую часть.

Она знала, что Тина неплохо зарабатывала – особенно в молодости, когда она была удивительно красива. Но наркотики и сомнительный образ жизни взяли свое, теперь она обслуживала разве что дальнобойщиков, которые платили ей рублями или не платили вообще – как повезет. Даже в сытые времена деньги у Тины не задерживались, она мгновенно спускала их на наркоту или дорогие тряпки. Она просто не могла столько накопить!

Хотя содержимое сумки не было похоже на накопления. Пачки были сложены слишком аккуратно, скорее всего, их передали Тине в таком виде. Но кто мог заплатить настолько огромную сумму потрепанной «плечевой»?

Света повернулась к соседке и пораженно прошептала:

– Валя... это что вообще?

Валентина к этому моменту покинула комнату и кое-как добралась до Светы. Ее трясло крупной дрожью, она едва двигалась, буквально ползла вдоль стены, оставляя за собой кровавый след. Ее взгляд метался из стороны в сторону, ни на чем уже не фиксируясь, он лишь ненадолго задерживался на Свете, когда та обращалась к соседке.

– Это мое, – прохрипела Тина. – Мне заплатили! Все честно, но... Почему тогда эти деньги меня губят? Не надо было соглашаться, не надо... Но он умеет убеждать! Он сказал, что все мои беды закончатся! Сказал, что это моя новая жизнь... А я теперь чувствую, что эти деньги утащат меня в ад! Я ведь умираю? Да, Светка?

Неприязнь к соседке была забыта. Света понятия не имела, что происходит, однако она видела перед собой страдающее существо, которому нужна была помощь. Не важно, кем была Тина и насколько она виновата в своей участи. Она такого не заслуживала... такого никто не заслуживает!

– Нужно вызвать «Скорую», – сказала Света. – Ты можешь объяснить в двух словах, что с тобой случилось? Откуда кровь?

Но Тина словно и не слышала ее.

– Возьми деньги, Светка... – шептала она, как в бреду. – Потрать их на девочек... У тебя такие хорошие дети, такие хорошие... У меня тоже могли бы быть... Почему только не было? Знаешь, сколько детей из меня выковыряли? Я только о деньгах и думала... А теперь деньги меня похоронили... Ты не бойся, за ними нет темной истории, я заработала их, это мои деньги, и я хочу их отдать, бери... Бери, пожалуйста...

Разговаривать с ней было бесполезно, нужно было действовать. Света решительно подошла ближе, коснулась лба соседки, но тут же отдернула руку. Кожа Валентины пылала: это уже не легкая температура, это полноценная лихорадка. Но почему, откуда? Стоя перед ней, Света видела, что пятна крови на сорочке – это смазанные отпечатки рук, ран на теле соседки не было.

– Валя, постарайся сосредоточиться!

– Мне плохо... Я хочу спать...

– Потом, – жестко произнесла Света. Она, профессиональная медсестра, понимала, что счет уже пошел на минуты. – Скажи мне, откуда идет кровь? Скажи, и сможешь отдохнуть!

– Забери от меня эти деньги, я их не хочу... Я продала ему...

Больше она ничего сказать не успела: глаза Тины закатились, и она начала заваливаться вперед. Света подхватила ее, но удержать не смогла, не хватило сил. Ей только и оставалось, что осторожно опустить соседку на пол.

Тогда она и увидела, откуда идет кровь: в районе поясницы белая ткань сорочки стала красной, пятно распространилось до самого подола. Но при этом ткань не была порвана! Ничего не понимая, Света задрала сорочку – и испуганно вскрикнула.

Весь правый бок Валентины теперь был перечеркнут длинным швом, который у одного края, того, что ближе к спине, разошелся. Оттуда и сочилась кровь – скорее всего, не первый час, однако, судя по неаккуратным повязкам, соседка пыталась остановить это сама. Остальная часть шва была сделана идеально, она не пропускала ни капли крови... и все равно наполняла сердце Светы леденящим душу ужасом.

- Синдром Джека-потрошителя •

Этот шов, совсем свежий, еще окруженный воспаленной кожей, эти деньги... Кто-то другой не догадался бы, что произошло и откуда у Тины такая рана. Однако Света, много лет проработавшая медсестрой, все поняла с первого взгляда.

Похоже, кто-то вырезал у соседки, умиравшей теперь у нее на руках, правую почку.

Глава 1

Леонид Аграновский

Автомобиль взвыл, разгоняясь, его мощный двигатель пылал жаром, наполнявшим машину так, как сердце разгоняет в венах кровь. Колеса крутились все быстрее, стрелка спидометра за пару секунд взлетела до ста, а потом двигалась все дальше и дальше. Фары автомобиля были выключены, и он, темный, плоский, плавными линиями напоминающий самолет, скользил по шоссе потусторонней тенью. Этот участок дороги использовался очень редко, здесь давно отключили фонари, и машина рвалась вперед сквозь ночь в непроглядной тьме.

Леон чувствовал, как автомобиль дрожит, вибрирует, как скаковой конь, которого слишком долго заставляли чинно вышагивать по городу на потеху толпе. На такой скорости и в такой темноте за боковыми окнами все сливалось, и мир казался космосом. Леон видел только то, что было перед ним – а перед ним был изгиб дороги и массивный бетонный забор.

Когда-то давно, когда движения на шоссе было чуть больше, за этим забором находилось здание, обеспечивавшее водителям и мотель, и закусочную, и даже кабинет врача. Но потом появились новые дороги, пути сменились, и хозяева этого уголка разорились. Они уехали, оставив ветшающий домик, окруженный солидным забором. В прошлом этот забор был необходим: он защищал людей, отдохнувших в кафе, от лихачей, не справившихся с управлением на повороте.

Теперь людей внутри не было, и никто ничем не рисковал – кроме Леона.

Он смотрел только вперед, видел искаженное темнотой расстояние, в котором забор был лишь светлым пятном, и не прекращал считать про себя.

Пять...

Четыре...

Три...

Когда обратный отсчет закончился, он выжал тормоз с такой же решимостью, как до этого выжимал газ. Машину повело, но он знал, что так будет, он ожидал и того, что руль начнет отчаянно рваться из рук, и появления черного следа, который должен был остаться за ним на шоссе зловещей спиралью.

Если бы он неправильно выбрал момент, он бы разбился. Если бы на дороге появилась яма, о которой он не знал, автомобиль бы перевернулся. Если бы машина оказалась чуть хуже, чем он ожидал, ее бы снесло в сторону и, может, разорвало при ударе о дерево.

Но это ничего, не страшно – не для него. Леон готов был рискнуть, ему нужно было убедиться, что он не потерял хватку, не стал небрежным за годы вынужденного бездействия. Он понимал, что за ошибку пришлось бы заплатить жизнью, и не боялся. Уж лучше так, чем медленно дряхлеть в его сытой и спокойной жизни!

Однако старые навыки пока не подводили, а может, автомобиль, как живой зверь, не хотел умирать так бездарно. Тормоза сработали, и машина, разгоряченная, дымящаяся, остановилась в паре сантиметров от бетонного забора.

Леон проверил пульс; сердце все-таки разогналось, и страх, пусть и неосознанный, мелькнул. Над этим надо будет поработать, хотя вряд ли совершенство достижимо. Как говорит Дима, все мы звери внутри и не уйдем от инстинктов. А на уровне инстинктов Леон не был самоубийцей, и даже в этой отчаянной игре с самим собой он хотел выжить.

Он вышел из машины и сделал глубокий вдох. В воздухе пахло теплой ночью позднего лета, – уже начавшей высыхать травой, полевыми цветами и яблоками, – и жженой резиной. Над ним сияли звезды, почти невидимые в городе, и Леон в который раз убедился, что на юге они куда ярче, чем на севере. Он успокаивался – и позволял успокоиться машине.

Леон расчертил темноту ночи сначала яркой вспышкой спички, а потом тусклым огоньком сигареты. Он наконец включил телефон, он готов был говорить с этим миром.

На экране высветился один пропущенный вызов от Лидии, и это было нормально. Жена всегда звонила ему строго один раз в сутки и никогда не перезванивала, если он не брал трубку. Она была слишком горда для этого, знала, что рано или поздно он свяжется с ней, и ни о чем не беспокоилась. Да и чего ей бояться? Своей главной заслугой она считала то, что на новой работе муж ничем, как ей казалось, не рисковал.

Словом, Леон ожидал увидеть этот дежурный звонок от нее – но не ожидал, что у него будет три пропущенных вызова от брата. Три! И это от Димки, который спокоен как удав и любой оставшийся без ответа вызов воспринимает как намек – мол, я занят, потом поговорим. Но не в этот раз, нет. Дима, похоже, суетился, он названивал младшему брату раз в час, а когда это ему надоело, отправил сообщение: «Перезвони, когда можешь, важно!»

Важно – это уже любопытно. Но «важно» – это не «срочно». Если бы произошло нечто опасное, Дима бы его из-под земли достал. А так... Видно, брату не терпелось чем-то поделиться, но никто пока не умер и не собирался.

Для начала Леон решил разобраться с простым и коротким разговором, он с тяжелым вздохом набрал номер жены, но когда Лидия ответила, его голос звучал ровно и жизнерадостно, как обычно.

– Привет, солнышко... Нет, прости, был занят... Что делал? Да вот, в русскую рулетку играл... На смерть, естественно, в этом вся прелесть русской рулетки. Что?.. Нет, не пьяный. Придурок? Возможно. Проблемы... – Он перевел взгляд на машину, замершую на волоске от смерти – его смерти. – Нет, ну какие у меня могут быть проблемы? Не о чем тут говорить. Когда буду, не знаю, еще к Димке, может, надо заехать. Все, давай.

Ей, на самом-то деле, было все равно, она привыкла к тому, что он возвращается поздно – а иногда и остается на ночь. Его нынешняя работа была не опасной, но и не простой.

Когда с обязанностями примерного семьянина было покончено, он набрал номер Димы. Тот ответил сразу, будто до этого момента нетерпеливо вертел в руках трубку.

– Где тебя носит? – раздраженно поинтересовался брат. – Полдня до тебя дозвониться не могу!

– Я работал. Что случилось?

– Работал он... Знаю я эту работу – чужие огороды охранять!

– Что случилось? – терпеливо повторил Леон.

– Дело есть! Приезжай в мой офис.

– Сейчас?

– Ну а когда ты собрался, к Рождеству? – хмыкнул Дима.

– Сейчас ночь, и там не должно быть ни меня, ни тебя. Да и потом, ты прекрасно знаешь, что я не хочу больше связываться с твоей работой. Хватит, надоело.

Это было не совсем правдой, но правда Димы и не касалась.

– А я обычно тебя к ней и не привлекаю, но тут особенный случай, поверь. Ты все поймешь, когда увидишь! Если бы ты ответил на звонок раньше, заметь, мы встретились бы днем, но в ночной встрече есть свои преимущества: никого из персонала тут не будет, только постояльцы.

– Так что же, ты меня на встречу с кем-то из постояльцев зовешь, раз все должно быть именно там?

– Да! Приезжай скорее, сам увидишь!

И Дима бросил трубку. Он редко так поступал – почти никогда. А тут он словно боялся, что Леон передумает.

Но это он зря. Домой Леону отчаянно не хотелось, кровь все еще переполнял адреналин, оставленный его короткой и отчаянной гонкой. Пожалуй, эта встреча могла стать не самым плохим завершением дня.

Даже при том, что своим офисом Дима гордо именовал морг, а постояльцами – трупы, вскрытие которых он проводил.

Леон вернулся за руль и включил фары; игры с судьбой были закончены, пришло время вернуться к обычной жизни. А может, не совсем обычной? Хотя нет, вряд ли. Дима уже не первый раз пытался втянуть его в свои дела, и понятно почему, но Леон каждый раз ему отказывал. Да и этот «особенный случай», скорее всего, окажется очередной пустышкой. Или нет?..

Подъезжая к городу по пустой дороге, он снова слышал в памяти голос, который звучал откуда-то из далеких-далеких лет, почти забытый, но, как бы Леон ни старался, не уничтоженный окончательно.

Рутинa не для таких, как мы, и ты знаешь это, я чувствую это в тебе. Мы можем надеть дорогие костюмы или робы рабочих. Можем занять должности или стать уважаемыми всеми трудягами. Можем жениться, посадить деревья, родить сыновей. И все равно это не сольет нас с толпой – с ними... Мы – дикие звери, и ты – такой же, как я. Груз цивилизации не переломит нам хребет. Однажды мы все равно становимся такими, какими и должны быть.

* * *

Дмитрий Аграновский никогда не жаловался на недостаток терпения. Природа отмерила ему щедрую долю при рождении, а с годами он лишь развивал эту черту, и его нынешнему самоконтролю позавидовали бы и мудрецы Востока. Но на этот раз сдерживаться оказалось сложнее, чем обычно.

Дело действительно было странным и, как он чувствовал, очень важным. Дмитрий был ученым, врачом, однако он уже убедился, что интуиция – это вполне реальный инструмент, которому можно доверять. Подсознание порой давало больше подсказок, чем все его навыки и опыт, и теперь оно твердило: не проходи мимо, даже если все остальные прошли.

Оставалось только придумать, как показать это брату. Он прекрасно знал, что Леон уже настроен отказаться – так всегда было. Но на этот раз все сводилось не к их семье и не к их давним спорам. Чтобы разобраться в том, что случилось, нужен был хороший следователь, а его брат когда-то относился к лучшим.

Когда-то, но не сейчас, и Дмитрию нужно было придумать, как это исправить.

Леон прибыл быстро, скоро его машина уже сворачивала на парковку, свободную в поздний час. Темный спортивный автомобиль был покрыт плотным слоем землистой пыли, такую в городе не найти, а значит, Леон гонял где-то по шоссе – опять. Это им еще нужно будет обсудить, но позже, сейчас Дмитрий не хотел спугнуть брата ненужной враждебностью.

– Идем, – только и сказал он.

В морге было светло, чисто и пусто. Дмитрия такие моменты не пугали, он слишком долго работал судмедэкспертом, чтобы бояться мертвецов. Напротив, тишина помогала ему очистить мысли от лишнего и сосредоточиться на том, что по-настоящему важно.

– Так что ты хочешь мне показать? – поинтересовался Леон, когда они спустились вниз.

– Труп проститутки, – обыденно отозвался Дмитрий.

От неожиданности брат, шагавший рядом с ним, застыл на месте, а Дмитрий продолжил движение.

– Ты серьезно?

– Да. Идем!

– Это что, первый на твоей памяти труп проститутки? – раздраженно поинтересовался Леон, догоняя его. – Впервые в Москве убили жрицу любви, и это такая сенсация?

– Нет, конечно, не паясничай. Любая смерть заслуживает уважения.

– Скажем так, ничего забавного я в этом точно не нахожу, но и шокирующего – тоже. Дима, какого черта? Я к тебе через весь город гнал...

– А без этого ты бы гонял за городом, – прервал его Дмитрий. – Так какая разница? Хоть используешь бензин с пользой. Ты прекрасно знаешь, что я не стал бы звать тебя просто посмотреть на мертвую проститутку, но такой смерти ты еще не видел.

– Но должен увидеть?

– Желательно, потому что есть подозрение: тот, кого поставили расследовать ее смерть, не справится. Да и не очень-то хочет справляться!

Они вошли в зал, залитый холодным белым светом. Окна здесь были редкими и маленькими, почти незаметными, и даже днем их закрывали плотные жалюзи. Поэтому день и ночь сливались, сутки были просто сутками – одним сплошным потоком часов, и разница заключалась лишь в том, сколько живых людей находилось рядом с мертвыми.

Девушка, которую хотел показать брату Дмитрий, дожидалась их на столе, закрытая тканью до шеи. Мало кто из его коллег озадачивался подобным, некоторые даже посмеивались, но у Дмитрия были свои правила в работе, и в этом он тоже видел уважение к чужой смерти.

Леон окинул мертвое тело равнодушным взглядом. Определенные профессии требуют здоровой доли цинизма, чтобы не лишиться рассудка, и профессия следователя была в их числе.

– Итак, ты мне ее показал, – сказал Леон. – И?

Девушка, лежащая перед ними, отмытая от дешевой косметики, грязи и крови, казалась удивительно молодой и невинной. Дмитрий подозревал, что при жизни она выглядела куда хуже: все эти несчастные продавщицы собственного тела прятались за клоунским макияжем, старели раньше срока и редко бывали трезвыми. Да и она тоже... но не теперь. Как будто смерть обнулила счет, и перед погребением эта девушка могла хоть ненадолго побыть такой, как ее более успешные ровесницы.

И правосудия она заслуживала не меньше, чем все остальные.

- Ее звали Валентина Суркова, двадцать пять лет на момент смерти. Была проституткой - начала еще до совершеннолетия, так что стаж, считай, почти полжизни. Работала в основном на дорогах или в дешевых ночлежках, зато псевдоним себе выбрала красивый - Тина Ля Сур, видно, душа рвалась во Францию.

Леон убрал ткань в сторону - без тени брезгливости, но и без лишних эмоций. К тому, что он видел перед собой, он относился с холодным спокойствием профессионала.

- Вижу я, чем объясняется ее ранний карьерный старт и какими авиалиниями летала во Францию ее душа. - Леон указал на темные пятна, исчерчивавшие руки девушки. - Дима, серьезно? Убили проститутку и наркоманку, шатавшуюся по притонам, где собирается все худшее, что породило человечество.

- Это делает ее достойной смерти? - сухо осведомился Дмитрий.

- Я не о том, и ты прекрасно это знаешь, даже не начинай. Хочешь услышать, что мне ее жаль? Мне ее жаль, как и всех таких девчонок. Заслужила ли она смерти? Нет. Но была ли эта смерть такой уж непредсказуемой и неожиданной? Тоже нет. Когда идешь по головам ядовитых змей, будь готов к тому, что одна из них тебя кусанет.

- Она умерла от острого сепсиса.

Леон все еще не был поражен.

- Да, причина смерти не самая распространенная, но тоже бывает. Что именно с ней случилось?

- Давай я тебе лучше покажу орудие убийства.

Дмитрий отвел брата в сторону, туда, где в одинаковых металлических лотках хранились органы – две почки. Одна из них была вполне нормальной, здоровой. Но вторая... второй было место только в печи крематория. Это был бледный орган неестественного цвета, затвердевший, будто и не настоящий, а вылепленный из воска.

- Ну и как это понимать? – нахмурился Леон.

- Вот эта почка, – Дмитрий указал на здоровый орган, – ее. А вот эта – чужая.

- Я, вообще-то, вижу.

- Но эта почка тоже была в ней. Кто-то вырезал ей здоровую почку и на ее место пришел больную. Заметь: это была не операция, не в полном смысле этого слова. Рискну предположить, что человек, сделавший это, обладал определенными познаниями в анатомии, и неплохими, но он совершенно не знал, как проводится такая операция. По сути, он сумел лишь грамотно удалить ей одну почку, так, чтобы избежать внутреннего кровотечения. После одной такой операции она бы, возможно, выжила – несмотря на свой образ жизни, Тина отличалась очень крепким здоровьем. Но он поместил в ее тело вот это!

На бледную почку Дмитрий старался даже не смотреть. Он запретил себе думать, что несчастная много часов жила с этим органом, даже не догадываясь, что он в ней.

- Так, тебя понесло не в ту степь, – покачал головой Леон. – Пока придержи профессиональные детали вроде того, как он это проделал. Скажи мне, как все это началось. Придушить проститутку в темной аллее несложно – увы! Любой ублюдок на это способен. Но невозможно провести операцию по удалению почки между делом.

- Это было не между делом. Тина добровольно легла под нож - по крайней мере, на это указывают показания главной свидетельницы.

- Так, теперь ты меня окончательно запутал.

- Поэтому я тебя и вызвал, - вздохнул Дмитрий. - Тут все запутано! Уследить за кругом общения и перемещениями Тины проблематично: она жила одна, мало с кем общалась, а те, кто ее знал, в полицию не пойдут - мы говорим о других проститутках и барыгах, продававших ей наркотики. Поэтому сложно определить, как и при каких обстоятельствах она приняла решение продать собственную почку. Более-менее важная информация поступает только от ее соседки по коммуналке, вот там действительно адекватная женщина, но она во все это дело оказалась втянута незадолго до смерти Тины.

- И что же рассказывает нам адекватная женщина?

- Тина начала ломиться к ней посреди ночи. Она открыла, увидела кровь, поняла, в каком состоянии Тина - сама эта соседка медсестра. Тина уже была не в себе, но до того, как она потеряла сознание, она успела упомянуть, что какой-то «он» уговорил ее продать почку. В больнице Тина умерла, не приходя в сознание, так что других показаний не было. Тогда все казалось очевидным: незаконная операция, выполненная чуть ли не на коленке, полуграмотная проститутка, все с ней понятно... Но потом начались странности.

- Первой, надо полагать, было обнаружение вот этого? - Леон кивнул на нездоровую почку.

- Нет, первой было обнаружение денег. В квартире погибшей нашли десять тысяч долларов - в соответствующей валюте. Тина говорила соседке, что деньги ее, что все тот же «он» заплатил их. Уже понимая, что умирает, Тина пыталась передать эти деньги соседке. Та утверждает, что погибшая хронически не умела копить, да и зарабатывала она немного. Логично предположить, что вся сумма поступила из одного источника, да и купюры на это указывают.

- Фальшивки?

- Как ни странно, нет. Вся сумма.

- Нехилая сумма!

- Именно. Обычно при покупке органов у таких... неблагонадежных граждан, скажем так, им платят от силы десять тысяч рублей, не долларов. Но ей выплатили всю сумму, очень большую. Версия снова казалась понятной: у нее купили почку, потом открылось кровотечение, и Тина погибла, хотя не должна была. А потом мы провели вскрытие - и обнаружили вот это.

- Она была обречена с тех пор, как согласилась на эту операцию, - кивнул Леон. - Она была смертницей, которую зачем-то отпустили на волю. Но зачем тогда платить ей?

- Ты мне скажи, следователь!

- Я больше не следователь.

- По профессии - может быть, но есть вещи, которые мы не можем в себе изменить.

Дмитрий уже видел, что его брат заинтригован. Да и понятно почему!

Если бы эту несчастную проститутку хотели убить ради органов, ее бы никто никогда не нашел. Тину просто вывезли бы в лес, вырезали все, что можно, а потом закопали среди сосен. Она была одна, ее смерть никого бы не опечалила - и Дмитрию было страшно даже думать о таком абсолютном, всепоглощающем одиночестве.

Если бы у Тины хотели честно купить почку, пусть даже за феноменальную сумму, у нее были все шансы выжить. Операция была проведена кустарно, однако у Тины, молодой и крепкой, оставалось время добраться до нормальной больницы и получить помощь.

Но нет, тот, кто сделал это с ней, убедился, что она не выживет. И дал ей деньги! Это был нелогичный поступок - и такой же извращенный, как и пересадка мертвого органа живой девушке. Все укладывалось в единую схему, и схема эта была страшной.

Леон первым произнес то, что не давало Дмитрию покоя уже много часов:

- На работу маньяка похоже.

- Вот именно!

- Что полиция думает по этому поводу?

- Рассматривает это как одну из версий.

- Одну из? - удивился Леон. - А какие у них еще могут быть версии?

- Торговля органами, личная месть...

- Да ну, бред! Ты и сам знаешь почему.

- Я-то знаю, но и ты должен понимать: никто не будет без крайней необходимости кричать: «Маньяк!» Потому что маньяк - это газеты, это паника среди людей, это, в конце концов, способ спугнуть преступника. Да и потом, речь о серийном убийце может идти только тогда, когда появляется, собственно, серия. А это убийство уникально.

- Пока, - заметил Леон. - Или мы просто чего-то не знаем.

- Но ты и сам понимаешь, что выжидание второго убийства для кого-то означает статистику, а для кого-то - мучительную смерть. Нужно действовать сейчас же!

Судя по взгляду, брат давно уже все понял - почему Дмитрия так задело это убийство, почему он не может остаться в стороне. И стыдиться этого Дмитрий не собирался.

- Этим занимается полиция, - напомнил Леон.

- Полиция не будет заниматься этим так, как мы.

- Кто это - мы? Я еще ни на что не соглашался.

– Посмотри на нее! – Дмитрий снова повернулся к лежащей на столе девушке. – Разве она это заслужила?

– Не дави на жалость.

– Тогда я буду давить на профессионализм: он замел следы. Я знаю следователя, которому скинули это дело. Он не нашел бы психа, даже если бы очень захотел. А он не особо и хочет! Ему осталось чуть-чуть до пенсии, он завален делами, бумагами, отчетами... Он не разорвется на целую команду спецов, которые справятся со всем сразу. Он уделит этому делу ровно столько времени, сколько у него будет.

– На то, видно, и шел расчет, – вынужден был признать Леон. – Тот, кто это сделал, знал, что у нее нет родственников, которые клевали бы полицию и нанимали частных детективов. Она была незаметной.

– Ненужной, – жестко поправил Дмитрий. – Называй вещи своими именами. Да, он хорошо ее знал, на это указывают и показания соседки. Тина перед смертью сказала, что он уговорил ее продать почку.

– То есть был знаком с ней достаточно долго, чтобы уговаривать?

– Или был постоянным клиентом, что, по сути, одно и то же. Он умен, он готовился, и просто так его не поймут. Но ты можешь.

– Твой оптимизм насчет меня всегда настораживал, – усмехнулся Леон.

– Это не оптимизм, я знаю тебя и знаю, на что ты способен.

– Был способен, теперь уже нет. У меня есть работа, забыл?

– Самое время взять отпуск – сколько ты его не брал?

– Лидия тебя убьет.

Это он подметил верно: вспомнив жену брата, Дмитрий досадливо поморщился. Убить она, конечно, не убьет, но будет путаться под ногами и создавать непростительно много шума. В целом она была ему полезна, она стала тем противовесом, который позволил сделать жизнь Леона нормальной.

Однако иногда она превращалась в препятствие. Вот только...

- Лидии не обязательно знать об этом.

- Великий Гиппократ, ты предлагаешь мне обмануть жену? - с показным ужасом спросил Леон. - Ты, хранитель семейного очага, святой человек?

- И вот опять ты развлекаешься, стоя в метре от трупа!

- Да, но это не попытка оскорбить память покойной Тины, просто так уж вышло, что моя жизнь продолжается. А ты, заметь, противоречишь сам себе. Где же та абсолютная честность между супругами, о которой ты мне постоянно талдычишь? Или она появляется, только когда выгодно тебе?

- Дело вообще не во мне, просто есть цель, которая оправдывает средства. Высшая цель, а не твои сомнительные развлечения! Я верю, что этого уroda нужно остановить. Еще я верю, что ты можешь это сделать. Ради этого я готов прикрыть тебя перед Лидией. Ты ведь понимаешь, что на кону?

Леон, вмиг посерьезневший, все понимал.

Тот, кто сделал это с Тиной, непередаваемо жесток и лишен жалости, но само по себе это, увы, не уникально, гораздо важнее кое-что другое.

Он отдал десять тысяч долларов умирающей девушке, зная, что эти деньги привлекут к себе внимание, а значит, к нему уже не вернуться. У него была эта сумма - и она не имела для него такого уж большого значения. Он обладал возможностями, о которых многие моральные уроды, таящиеся в подворотнях, не могли и мечтать.

Он вырезал почку правильно, получается, он образован - и ради этого он и затеял такую опасную игру. Он получал удовольствие от того, что привело бы в

ужас нормального человека. Он следил за Тиной, он уговаривал ее, однако при этом остался незамеченным.

Он богат, умен, безумен... и он не остановится. Такие не останавливаются, они просто учатся быть незаметными, но их жертвам от этого не легче.

- Может, я и попытаюсь что-то сделать, - наконец сказал Леон. - Не уверен, что у меня получится.

- Зато я уверен.

- Одной уверенности с твоей стороны мало, раз уж втянул меня в это, будешь помогать. Мне понадобятся материалы по этому делу, все, что есть.

Дмитрий только этого и ожидал.

- Будут, естественно! Но там немного.

- Догадываюсь. Второе: если мне понадобится допросить свидетелей, ты помогаешь мне в этом. Мы оба знаем, что я уже не имею права соваться к людям с расспросами, я не следователь. Если что, обеспечишь мне прикрытие.

- Само собой. Ты знаешь, что я не пытаюсь тебя подставить. Но мы должны что-то сделать, не только ты, я тоже.

Возможно, Леон не верил в это так же, как он - в долг, не дававший Дмитрию покоя. Однако спорить младший брат не стал.

- И вот еще что - Лидия. Я не шучу, если она будет скакать вокруг меня, ничего не выйдет. А поскольку свободного времени у нее много и мое возвращение в полицию для нее все равно что красная тряпка для быка, все возможно. Так что придерживаемся одной версии: я целыми днями пропадаю на работе, все остальное ее не касается.

- Договорились.

В какой-то момент Дмитрий боялся, что его брат не поймет всю серьезность ситуации, соскочит, отмахнется от этого дела так, как отмахнулись остальные. Но теперь все сложилось идеально, и расследование готовилось стать на нужные рельсы.

– Будем считать, что мы друг друга поняли, – отметил Леон. – Начнем с очевидного: нам нужно узнать, где этот недоделанный хирург-самоучка взял вторую почку...

* * *

– Вот здесь тело и нашли, на этом самом месте.

– Неужели прямо здесь? Это же так близко к пляжу!

– В том-то и дело: он всегда оставлял своих жертв близко к людям.

Маленькая девочка, стоявшая на берегу моря, не слушала, о чем там болтают мама и ее новый ухажер. Она, зачарованная, пораженная, смотрела на море. Перед ней стелилась бесконечная пелена воды, ребристая от ветра и сияющая от солнца. В воздухе пахло так странно, свежо, почти сладко, а во рту почему-то оставался легкий солоноватый вкус. Море набегало на берег волнами, шипело и пенилось, словно пыталось поддразнить маленькую гостью.

Она впервые в жизни видела море – а она была убеждена, несмотря на все шуточки мамы, что прожила уже очень долгую жизнь и всякого повидала. Ее многое удивляло: леса и высокая трава на лугах, поле кукурузы, в котором наверняка навсегда пропадают люди, потому что из него просто невозможно выбраться, и то, как речка просыпается после зимы. Но море легко превосходило все эти чудеса. Оно обладало какой-то особенной магией, наполнявшей душу девочки непередаваемым восторгом.

– Каштанчик! – строго окрикнула ее мама. – Не суйся к воде! Что за ребенок такой!

На самом деле ее звали, конечно же, не Каштанчик, но она уже привыкла к этому прозвищу, да и все, кто ее знал, тоже. Оно привязалось к ней так давно,

что она уже и не помнила, кто первым его придумал.

Зато понять, почему именно Каштанчик, было несложно: у нее были удивительно красивые волосы. Сама девчушка, милая и очаровательная, была при этом самой обычной, и мама с грустью признавала, что она вряд ли вырастет неземной красавицей – а для мамы, судя по тоскливому тону, это было очень важно. Зато ее волосы мгновенно привлекали к себе внимание рыжевато-шоколадными переливами, напоминавшими глянцевые бока свежего каштана.

Каштанчик послушно сделала два шага назад, но взгляд от воды не оторвала, это было выше ее сил. Да мама, похоже, такого и не требовала. Убедившись, что дочь не вымочит новые босоножки и подол пышного платья, она вернулась к разговору.

– Так что же, он вот так, внаглую, убивал этих женщин совсем близко от людей?

– Представь себе! Я где-то читал, что это доставляло ему особое удовольствие.

– Боже мой, ну какое здесь может быть удовольствие?

– Как – какое? Ты этого не поймешь, потому что ты мыслишь как здоровый человек. А он – не здоровый, и я даже сомневаюсь, что человек. Такие чудовища, как он, получают удовольствие от чужих страданий.

– Говори потише, а то Каштанчик все услышит!

– Извини, забыл... Так вот, ему нравилось, когда его жертвы видели и слышали, как близко сейчас люди. Это внушало им ложную надежду на спасение, которую ему нравилось отнимать.

– Какой кошмар! И скольких же он так погубил?

– Двух в прошлом году, еще трех – за год до этого. Но в этом году ни одной жертвы еще не было. Я надеюсь, что он не приехал, а может, приехал не сюда, потому что многие считают, что это был турист, он ведь нападал только летом.

– А я надеюсь, что он умер! Такие люди вообще не должны жить!

Они оба и правда стали говорить потише, и у мамы это получалось чуть хуже, чем у ее собеседника, но оба старались зря. Каштанчик все прекрасно слышала, она просто не обращала внимания на их болтовню. Зачем, если у нее было море, такое огромное и прекрасное?

Да и собеседник матери ей не слишком нравился. Каштанчик давно усвоила, что ее мама очень любит мужчин. Вот Каштанчику, например, нравилось собирать камни необычной формы и хранить их в уголке своей комнаты. Мама же собирала мужчин, правда, она их не хранила, и чтобы пришел один, должен был уйти другой.

Когда в доме не было мужчины, мама становилась злой и раздражительной, часто плакала, приглашала в гости подруг и закрывалась с ними на кухне, а потом все они были несчастными и пьяными. Но такие периоды не длились долго, мама кого-то находила... На некоторое время. Не навсегда. Кто-то оставался с ними надолго, кто-то исчезал почти сразу, и Каштанчик не видела смысла запоминать их имена, длинные и сложные, непременно с отчеством – маме так нравилось, и ее мужчины чувствовали себя важными.

Каштанчик придумывала каждому прозвище, чтобы ей легче было и запомнить и забыть. Этот вот, например, был Тощим. Он ей не слишком нравился, зато маме – очень, она буквально сияла рядом с ним, как новогодняя гирлянда. А Каштанчик просто терпела. Это было несложно, она уже усвоила, что те мужчины, которых мама находила во время поездок, остаются рядом ровно столько, сколько длится путешествие, и потом никогда не возвращаются.

Поэтому ей нужно было просто перетерпеть Тощего. Он вился вокруг мамы постоянно: познакомился с ней в день приезда и уже не отходил. Он был с ними на пляже, провожал до комнатки, которую они снимали, угощал, а теперь вот рассказывал какую-то муть, которую мама слушала с широко распахнутыми глазами и, похоже, очень сильно на что-то злилась. С ее стороны то и дело доносилось:

– Да как он мог! Мерзавец! Чудовище!

А Тощий, видя, что он сумел ее впечатлить, продолжал строить из себя умника и что-то там бормотать.

Каштанчику было все равно. Она чувствовала себя самым счастливым существом на свете, потому что у нее теперь было море, и море шептало ей, что все будет хорошо.

Глава 2

Анна Солари

На диванчике в приемной сидел молодой человек, почти подросток. Он мерно покачивался, спрятав лицо в ладонях, и что-то невнятно повторял, но его голос звучал настолько тихо, что слова было не различить.

Сергею Аркадьевичу Пырееву это было и не нужно – он знал слова наизусть, всегда одни и те же. А вот Леон не знал, и теперь он наблюдал за мальчишкой с сочувствием – а Сергей Аркадьевич наблюдал за ним.

Леонид Аграновский был одним из его самых интересных пациентов. Доктор Пыреев, психотерапевт со стажем в целую жизнь, наблюдал в своих пациентах все проявления природы, он уже знал, что род человеческий не создает одинаковых существ, и каждый любопытен по-своему. Однако кто-то у мироздания получался совсем уж предсказуемым, а кто-то – многоуровневой загадкой. Для себя Сергей Аркадьевич выделил человек пять из своих пациентов, которых он так и не смог до конца понять, хотя знал их с детства.

Многие считали Леона слишком жестким, жестоким даже и бесчувственным. Но Сергей Аркадьевич прекрасно знал, что это лишь маска, столь великолепная, что многие просто ничего за ней не видели. Однако истинная сущность Леона проявлялась сейчас, когда он смотрел с нескрываемым сочувствием на незнакомого ему паренька.

Он перевел взгляд на психотерапевта и спросил:

– Сейчас ведь его время, да? Я могу подождать. Я не хотел разбивать вам весь день.

– Леон, я уже не студент, который пытается всем угодить, по двадцать раз перекраивая свой график, – усмехнулся Сергей Аркадьевич. – Если я сказал тебе приехать в это время, значит, так надо.

– А как же он?

– Саша подождет. Когда он в таком состоянии, с ним все равно бесполезно разговаривать.

– Это, конечно, не мое дело, но... Что он говорит?

– А ты подойди ближе и прислушайся.

Леон не сдержался, приблизился к молодому пациенту – осторожно, как к раненому зверю. Сергей Аркадьевич не двинулся с места, он и так знал, что услышит его гость.

Через пару секунд Леон отстранился, нахмурился.

– «Скажите, что тетя не виновата, что это я сам»? – спросил он.

– Да.

– Что это вообще должно означать?

Сергей Аркадьевич не собирался устраивать из этого шоу, он старался оградить своих пациентов друг от друга. Но для Леона он мог сделать исключение – ему полезно будет увидеть это проявление человеческой природы. Поэтому он мягко, чтобы не напугать молодого человека, позвал:

– Саша, посмотри, пожалуйста, на меня.

Пациент, услышав знакомый голос, вздрогнул и медленно, как во сне, убрал руки от лица. Он поднял голову, и Леон, стоявший рядом с ним, не сдержался:

– Вот же ж... Черт...

Лицо парнишки, которому недавно исполнилось двадцать, едва ли напоминало человеческое. Оно было исчерчено витиеватыми шрамами, складками сморщенной кожи нездорового красного цвета. Один глаз закрылся бельмом и ничего не видел, другой смотрел на мир без узнавания и понимания.

Но это ничего, год-другой, и он справится. Уже сейчас приступы повторялись все реже, и Сергей Аркадьевич работал над тем, чтобы убрать их окончательно.

Он не привык сдаваться. Он всю свою жизнь отдал психотерапии, отказавшись ради этого от собственной семьи. Но он ни о чем не жалел, он прекрасно знал, что все равно не сумел бы уделять своим близким достаточно времени, поэтому брак и дети лишь наполнили бы его дни чувством вины. Теперь, в семьдесят один год, он легко мирился с тем фактом, что не оставит после себя наследников по крови. Сергей Аркадьевич считал своими детьми всех пациентов, которым он смог помочь, и если так, то Леон был его любимым сыном – тем самым ребенком, который для отца чуть дороже других детей, но отец никогда не признается в этом.

– Саша, подожди меня здесь, я скоро буду, – предупредил Сергей Аркадьевич.

– Скажите, что тетя не виновата! – воскликнул молодой пациент. – Что это я сам!

– Скажу, скажу, все хорошо. Все обязательно будет хорошо.

Он проводил Леона в свой кабинет и закрыл за ними дверь. Сергей Аркадьевич не беспокоился за Сашу, он знал, что за ним проследят. Он всегда очень внимательно подходил к выбору своих медсестер и мог доверять им.

Это позволяло ему сосредоточить все свое внимание на Леоне. А тот, заняв гостевое кресло, не прекращал хмуриться.

– Слушайте, так что с ним произошло? Что у него с лицом?

– Кипятком обварили, – спокойно пояснил Сергей Аркадьевич.

На самом деле, ему было далеко до истинного спокойствия. Каждый раз, когда он думал о случившемся, даже в его душе, выцветшей с годами и

присмирившей, поднималась волна гнева. Но Сергей Аркадьевич был профессионалом и держал свои чувства под контролем.

- Родная тетка? - ужаснулся Леон.

- Да никакая она ему не тетка. Отец Саши - очень богатый, очень влиятельный, но порой не слишком умный человек. Он завел себе молодую любовницу, истеричную красавицу, которая всегда привыкла добиваться своего. Она хотела, чтобы у них появился общий ребенок. Он ей запрещал. Она решила, что это из-за Саши, сына от единственного законного брака, и в чем-то была права. Но решение, которое она приняла в дальнейшем, показывает, что красота была единственным даром, который ей достался при рождении. Ни об уме, ни о душе там и речи не шло.

- Она обварила его кипятком?!

- И вполне осознанно. Она надеялась, что он умрет от болевого шока, но когда этого не случилось, она заставила его, шокированного болью, снова и снова повторять ту фразу, которую ты услышал.

Леон уже взял себя в руки, внешне он казался таким же спокойным, как и его собеседник. Но от Сергея Аркадьевича не укрылось то, что он сжал кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев.

- А нельзя мне как-то... потолковать с этой тетей?

- Ты с годами совсем не меняешься, - тихо рассмеялся Сергей Аркадьевич. - Прими это как комплимент. Нет, та история, о которой я тебе рассказал, давно уже закончена. Фраза, которую повторял несчастный мальчишка, никого не обманула. С «тетей» разобрался его отец, насколько мне известно, она уехала за границу, и больше ее никто не видел. А Саша... Я общался с пластическими хирургами, через пару лет они вернут ему более-менее нормальное лицо.

- Ну а жизнь ему кто вернет?

- Это постараюсь сделать я. Он ранен - но не уничтожен окончательно. Жаль, конечно, что он не обладает твоей волей, но он справится, я чувствую. Ты не о

нем пришел говорить.

Леон смутился – похоже, история пациента так увлекла его, что он совершенно забыл о цели своего визита. В этом и правда было что-то от того мальчишки, которого Сергей Аркадьевич встретил много лет назад: испуганного, запутавшегося, однако несломленного.

– Мне нужно было найти хорошего психотерапевта, которому я могу доверять, а это только вы, – пояснил Леон. – Я сейчас веду одно дело, и все указывает, что там маньяк – и очень опасный.

– Ты вернулся к расследованиям? – удивился Сергей Аркадьевич. – Снова работаешь в полиции?

– Нет, я всего лишь помогаю по просьбе Димы. Да я и сам вижу, что дело дрянь... Это не просто какой-то извращенец или очередной наррик, который под смесями творит непонятно что. Я чувствую: у нас тут серийный убийца, он умный, расчетливый, он умеет планировать.

– Да, преступления, совершаемые наркоманами и психопатами, хаотичны, поэтому оставляют очевидный след, – кивнул Сергей Аркадьевич. – Они слишком легко поддаются желаниям и не продумывают ничего наперед или делают это очень редко.

– Вот! А тут явно был идеальный план, который, при всей своей сложности, не оставил нам ничего, ни одной подсказки. Беда в том, что я один вижу, что это серийный убийца.

– То есть?

– Серии не было, – признал Леон. – Было только одно убийство. По крайней мере, об одном нам известно, и на официальном уровне никто не имеет права говорить, что у нас тут маньяк. Убийство сложное, но его называют то убийством из мести, то ритуальным, то еще каким-нибудь.

– И только ты видишь, что появилось существо, которое ведет целенаправленную охоту?

– Я и Дима это видим. Но честно скажу, мы в тупике. Мы испробовали все известные методы, мы...

– Леон, нет смысла перечислять их, – мягко прервал его Сергей Аркадьевич. – Я в этом все равно не разбираюсь.

– Тут не в методах дело, а в том, что они не работают. Он явно готовился к этому! Он устроил все так, чтобы ситуация казалась очевидной, но начинаешь копать поглубже, и все – его нет, его не существует, будто и не было никогда!

Сергей Аркадьевич не был экспертом по маньякам, но кое-что он знал. Например, то, что серийные убийцы с холодным умом гораздо опасней, чем те, которые легко впадают в животную ярость.

– А от меня-то ты что хочешь? – спросил он.

– Нам нужно найти этого психа, пока он не выбрал новую жертву. Чтобы хоть как-то в этом продвинуться, нужно понять, как он думает, чего хочет. У меня и Димы это не получается. Он пересадил девушке почку трупа и заплатил ей десять тысяч долларов, зная, что она вот-вот умрет. На хрена?!

– Леон, возьми себя в руки, – велел Сергей Аркадьевич.

– Пардон, занесло. Но суть в том, что я его не понимаю. Я могу отследить обычного убийцу, потому что, не разделяя его желания, я все равно могу прикинуть, чего он хочет – денег, мести, устранения конкурентов. Это логичные поступки, хотя логика та еще. Но этот урод? Да я даже не представляю, что у него в башке творится!

– И не поймешь. Для этого нужно или быть психом самому, или очень долго и очень внимательно изучать их.

– Да знаю я, – вздохнул Леон. – Поэтому и пришел к вам.

– Не по адресу, друг мой. Ты знаешь, что я занимаюсь детской психотерапией. Я помогаю детям, которые стали жертвами преступлений. Почему ты решил, что я смогу чем-то тебе содействовать?

- По двум причинам... нет, даже по трем. Первая - только вас я хорошо знаю, вы как никто другой понимаете, сколько шарлатанов теперь гордо зовут себя психотерапевтами. Вторая - вы все равно работаете с полицией, помогая жертвам преступников, вы много узнаете и о преступниках. Третья - я веду расследование неофициально, мне нужен человек, который не поднимет из-за этого много шума и не подставит меня.

- Я благодарен тебе за доверие, Леон, но меня просто будет недостаточно. Даже если бы я хотел вляпаться в эту грязь - а я не хочу, - лезть в голову маньяка - это большой труд, я уже слишком стар для этого. Но даже если бы я хотел, я бы не смог помочь тебе.

- Но почему?

- Люди с такими отклонениями - это особый пласт психологии. Недостаточно просто что-то о них почитать, что-то где-то услышать и поверить, что ты в них разбираешься. Они - космос, они - инопланетяне, их нельзя понять здоровым человеческим умом. Нужно либо самому быть сумасшедшим, либо знать так много, чтобы из тысячи осколков собрать некое подобие картины. Образно выражаясь, ты пришел с редчайшей болезнью к обычному участковому терапевту, а тебе нужен уникальный специалист.

Кто-то другой уже смутился бы или обиделся. Но не Леон, нет, он продолжал смотреть на Сергея Аркадьевича все с той же решимостью.

- Хорошо, если этого не можете сделать вы, подскажите, к кому обратиться.

- Зачем ты вообще влез в это? Когда ты уходил из полиции, мне казалось, что ты никогда не вернешься.

- Я ушел по сложным причинам, о которых я сейчас не хочу говорить. Да я и не вернулся - но это дело я оставить не могу. В нем будут другие трупы, я уверен, это просто вопрос времени. Когда все станет очевидным, полиция возьмется за дело всерьез, соберут классную команду, которая, возможно, и поймает его. Но сколько жизней для этого понадобится? Пока ему приписывают только одну проститутку, и, скажу честно, никто особо не парится. А даже если бы вдруг попался обычный районный следователь-энтузиаст, Шерлок Холмс с самокруткой, он бы уперся в ту же стену, что и я.

Ирония заключалась в том, что Сергей Аркадьевич как раз знал такого специалиста. Что может быть проще – помочь полиции, дать Леону нужный телефон! Но нет, так не будет. Люди, которые занимаются только серийными убийцами, должны обладать специфическим складом ума, они не сидят в кабинетах.

Леон сам по себе необычен, и эксперт этот тоже, и теперь Сергею Аркадьевичу предстояло определить, можно ли вообще сводить таких людей. Ответственность будет только на нем! Один дьявол – плохо, два дьявола вместе – катастрофа. Или нет? Или сила, достаточная для того, чтобы остановить то самое существо, о котором говорил Леон? Лесной пожар тушат встречным пожаром – они отнимают друг у друга кислород, но для этого оба пламени должны быть одинаково сильны.

– Тот маньяк... насколько он, по-твоему, опасен? – задумчиво поинтересовался Сергей Аркадьевич. – Ты говоришь, что у него всего одна жертва...

– Нам известно об одной жертве, – уточнил Леон. – Да и потом, «всего одна жертва» – это чья-то уничтоженная жизнь. В этом случае – жизнь двадцатипятилетней девушки.

– Ты не ответил на мой первый вопрос.

– Да, я считаю, что он опасен. Вы не дали мне рассказать, как именно он убил ту девушку, но поверьте, до такого еще додуматься надо.

– Если он опасен, то и погоня за ним опасна. Вы с Дмитрием уверены, что хотите заниматься этим? Нет, даже не так... Ты, лично ты, уверен, что готов пойти до конца?

И снова Леон уверенно выдержал его испытующий взгляд.

– Да, я уверен.

Сергей Аркадьевич все еще сомневался. Леон и эксперт, о котором он подумал, были в числе его «любимых детей». Но, даже любя их, он признавал их недостатки. У них у обоих нет контроля, они не знают, когда остановиться.

Дмитрий Аграновский куда рассудительней, но он не сможет удержать этих двоих на цепи.

В дверь постучали, и в кабинет заглянула медсестра.

– Сергей Аркадьевич, Саша успокоился, ему уже лучше, и он ждет вас.

– Хорошо, Сонечка, пять минут – и я его приглашу.

Саша, значит... паренек, которого можно было спасти. Сергей Аркадьевич общался с женщиной, сделавшей с ним это, до того, как она «уехала». Она была очевидно истеричной, можно было догадаться, что однажды она сотворит что-то подобное, если бы за ней наблюдали достаточно внимательно. Но никто не смотрел, всем было плевать, и молодая жизнь оказалась изуродованной.

То же происходит и теперь. У Дмитрия Аграновского великолепная интуиция, у Леона – чутье не охотника даже, а дикого зверя. Если они оба уверены, что этот маньяк опасен, так оно и есть. Он будет убивать дальше, и на него можно спускать двух одинаково обозленных охотничьих псов.

– Я познакомлю тебя кое с кем, – наконец сказал Сергей Аркадьевич.

– О, вот это уже тема! – оживился Леон. – Что за он?

Сергей Аркадьевич не спешил с ответом. Он взял со стола телефон и невозмутимо сфотографировал сидящего перед ним Леона.

Тот опешил:

– Э-э... Это еще зачем?

– Нужно. А теперь слушай меня очень внимательно и все, что я говорю тебе, воспринимай всерьез. Ты знаешь, что я не люблю утрировать, если я что-то говорю, так и есть. Во-первых, эксперт, которого я тебе рекомендую, великолепен в том, что делает, другого такого человека ты в Москве не найдешь. Потому что знания могут получить многие, образование – тоже, но увлеченность, страсть, инстинкты... это не подделаешь. Этот человек дышит

своей работой, такое немногие умеют, хотя я это понимаю. Во-вторых, это не он, а она. Но, Леон, запомни: это никогда не должно смущать тебя, сбивать с толку, внушать иллюзию того, что я ошибся и свел тебя не с той. Не важно, какой она будет, что говорит, как ведет себя. Не верь. Ты мне как сын, она мне как дочь, но я предупреждаю тебя: не верь ей, особенно в первые дни. Дальше, когда она тебя узнает, будет легче.

– У меня такое ощущение, что вы меня тому самому маньяку и представите, – усмехнулся Леон.

– В некотором роде – маньяку своего дела, хотя эта женщина полностью вменяема. Поверь, когда-то мне пришлось оценивать это, так было нужно.

– Но как мне работать с ней, если ей нельзя верить?

– Верь всему, что связано с работой, в этом она не станет ни лгать, ни шутить. Но всему остальному не верь, начиная с того, что видят твои глаза. Я рекомендую тебе отказаться от любых ожиданий и не использовать привычные стереотипы в общении с ней. Я когда-то рассказывал тебе, что сами по себе стереотипы безвредны, они упрощают нам познание мира.

– Я помню.

– Так вот, она об этом тоже знает, поэтому она извратит любой стереотип, любой типичный образ, чтобы внушить тебе то мнение, которое ей выгодно. Подготовься к этому и просто не суди ее – вообще никак. Тогда, может, у вас и получится что-нибудь стоящее.

– Я не пожалею о том, что попросил вас об этом?

– Может, и пожалеешь, – пожал плечами Сергей Аркадьевич. – Но ведь и ты пришел ко мне не за обычным советом. Я спросил тебя, насколько опасен тот маньяк. Теперь я даю тебе человека, которого это не испугает. Тот, кто согласен лезть в сознание монстра, должен подготовиться к этому, и каждый справляется по-своему.

– Ладно, рассказывайте, что это за чудо-женщина.

Леон казался расслабленным, насмешливым даже, но Сергей Аркадьевич слишком хорошо знал его. Он чувствовал, что сейчас гость настроен даже больше, чем когда вошел в этот кабинет.

Но это правильно. Леон должен понимать, насколько высоки ставки в игре, которую они с Дмитрием затеяли. Что любопытно, Дмитрий, со своими рыцарскими иллюзиями, вряд ли до конца поймет дракона, которого он взялся преследовать, а вот Леон может.

– Ее зовут Анна Солари, – сообщил Сергей Аркадьевич. – Но, прежде чем я расскажу тебе о ней, мне нужно убедиться, что ей самой это хоть сколько-то интересно.

Он ввел в телефон номер, который знал наизусть – потому что этот номер запрещено было хоть где-то сохранять. Он отправил через мессенджер фотографию Леона, сделанную пару минут назад, и короткое сообщение:

«Это Леонид Аграновский. Он охотится на одного из тех, кто интересен тебе. Я ручаюсь за него, он – мой бывший пациент и хороший друг. Я могу послать его к тебе с уверенностью, что он выйдет из твоего дома живым?»

* * *

Когда он впервые увидел Анну Солари, она сияла в золотых огнях. Она была созданием, сотканным из воздуха и солнечного света, и этим она поражала. Леон понимал, что это всего лишь трюк, который она провернула с поразительной ловкостью. Но сопротивляться он все равно не мог: за такое отвечает не разум, а подсознание, инстинкты. И Анна Солари сделала все, чтобы ее образ мгновенно впечатался в его память, прожег ее и остался с Леоном навсегда, став одним из ключевых воспоминаний.

Уже потом, обдумывая случившееся, он понял, что и как она сделала. И он, даже сквозь раздражение, был вынужден признать, что схема получилась гениальная.

Детям многие воспоминания кажутся яркими, потому что воспоминаний у них немного. Их память – это чистый лист, и каждый новый опыт, каждое «впервые» кажется невероятным, почти магическим событием. Но возраст делает свое

дело, воспоминаний накапливается все больше, и они теряют цвет. Пресыщенность уничтожает ощущение чуда. «Впервые» встречается все реже, а при знакомстве приходится сосредоточиться, чтобы неимоверным усилием воли запомнить лицо и имя собеседника, да и то с первого раза получается не всегда. Но Анна Солари, видно, хотела, чтобы он ее запомнил – и вынудила его сделать это.

Для начала она заставила его насторожиться. Это в привычном ритме города, пусть и быстром, но все же монотонном, разум словно засыпает, и многие действия выполняются на автопилоте. Дом, в котором жила Анна, сам по себе призывал приготовиться ко всему.

Ее жилище располагалось в стороне от больших дорог. Чтобы попасть к ней, нужно было проехать старую деревню, а потом еще минут семь-восемь испытывать машину на узкой полоске земли, изрытой ямами, которую и дорогой-то можно было назвать только в шутку.

Когда эта полоса препятствий заканчивалась, гостя встречал вовсе не роскошный особняк, построенный по последнему слову техники – с видеокамерами и солнечными панелями на крыше. За простым железным забором и буйно разросшимися туями просматривался старый коттедж, типичный привет из сорвавшегося счастья девяностых. С архитектурной точки зрения он был бездарен: казалось, что его создатель хотел запихнуть в проект все – и башенки, и галереи, и колонны, и гипсовых львов на крыльце. «Сделайте мне богато». С практической точки зрения дом был еще хуже. Его создатель, замахнувшийся на богатство, не потянул собственный грандиозный план – то ли желание отпало, то ли времена сменились, и ему стало не до того. Дом достроили кое-как, в его стенах четко просматривались кирпичи и штукатурка разных времен, в окнах стояли стеклопакеты из пластика и дерева, словно подобранные по одному, а оттого совершенно негармоничные. И даже крыша уже превратилась в лоскутное одеяло, которое проще было бы выбросить, однако его упрямо латали.

Словом, дом выглядел жилым, но убогим и неухоженным. Никому не захотелось бы грабить его, потому что было очевидно: грабить там нечего. Если только в гараж заглянуть – он, большой, рассчитанный по меньшей мере на две машины, стоял в стороне от дома, но тоже, казалось, готов был развалиться, если вдруг начнется гроза.

Он ожидал увидеть не это. Сергей Пыреев, психиатр, направивший его сюда, сказал, что проблем с деньгами у Анны Солари нет: она написала несколько десятков книг и научных работ о маньяках, получивших большую популярность в англоязычных странах. Выбор рынка был не случаен: Анна не хотела славы, она сторонилась любой известности, ей просто нужны были деньги, и оттуда они лились легко. Поэтому Леон ожидал увидеть маленькую личную крепость, а увидел домик сумасшедшей.

Он был насторожен, когда входил в заросший травой двор, не испуган, но напряжен. Снова прокручивая в памяти тот день, Леон понял, что уже тогда, на входе, она заставила его память работать лучше, острее, а потом лишь подлила масла в огонь.

Его разум, встревоженный непонятным местом, поспешно рисовал новую картину. Что может быть в таком доме? Да такая же эклектика, как и снаружи! Корявые обои с цветочками, мебель из разных эпох, все пестрое, дорогое, несовместимое. Разве нет?

Нет?..

Оказалось, что нет. Внутри не было почти ничего, этот дом и вовсе не подходил для жизни, хотя в нем, очевидно, жили – на это указывала вешалка с одеждой в прихожей и мебель на кухне. Но в целом дом был брошен на этапе черновой отделки. Леона встречали серые бетонные стены с кое-как перемотанными изолентой проводами, одинокие лампочки, свисающие с потолка, и дверные проемы без дверей.

Его настороженность возросла. Если все это было частью плана Анны, то второй пункт ей тоже удался.

Входная дверь была открыта, так же как и калитка, ему не пришлось стучать. Однако самой хозяйки нигде не было, она не встречала его. Леон слышал только музыку, играющую где-то на втором этаже, – приглушенные восточные переливы.

– Эй, есть здесь кто? – позвал он. – Анна, меня зовут Леонид, Сергей Аркадьевич должен был предупредить вас, что я приеду...

Ответа не было, и это раздражало, злость плеснула в кровь еще адреналина. Тогда у него не было ни шанса догадаться, что он делает все именно так, как она и рассчитала. Он словно вернулся в ту ночь на шоссе, когда ему звонил Дима. Но теперь он был машиной, а Анна Солари – водителем, и она проверяла, будет ли автомобиль вести себя так, как ей угодно.

Он лишь помнил, что не должен ничего ожидать, поэтому пошел на звук музыки. Поднявшись на второй этаж, Леон обнаружил, что там двери уже есть, но некоторые из них оставались открытыми. Окна в этой стороне выходили на запад, он приехал вечером, на закате, как и было велено, и комнаты были залиты солнечным светом.

Леон, поначалу ослепленный им, увидел человеческий силуэт неподалеку от себя и решил, что это точно Анна – должна быть она, Пыреев сказал, что она живет одна.

– Здравствуйте, Анна, я...

Он осекся, сообразив, что собеседница его не поймет. Да она бы никого не поняла: перед ним стоял манекен. Качеством он был получше, чем одинаковые болванчики в магазинах, но на живого человека походил даже не этим, а удачно подобранным нарядом, париком и, главное, игрой света, не позволявшей мгновенно определить, что собеседник не моргает и не дышит.

В этой комнате было полно манекенов, и все – женщины примерно одинакового роста и комплекции. Некоторые были одеты как самые обычные прохожие с улицы, наряды других отличались экстравагантностью, при виде которой японские подростки погибли бы от эстетического экстаза. Рядом с дамой в строгом костюме вполне могла стоять девица в балетной пачке, радужных чулках и пиджаке, стилизованном под гусарскую форму, однако в общем безумии зала это казалось вполне естественным. Манекены не просто стояли, они тут жили: сидели на подоконниках и за столом, танцевали, читали книги, и это причудливое общество добавляло атмосфере заброшенного дома нечто потустороннее.

Еще один грамотный шаг со стороны Анны: взрослые не верят в мистику, но дети верят, и до их настоящей встречи она сумела докопаться до детского, самого основного мышления, пробудить ту часть его памяти.

А потом, в соседней комнате, он наконец увидел ее.

На огромном окне не было штор, и тяжелые рыжие лучи, густые, как дымка, врывались в комнату, заполняли все вокруг, очерчивали темный силуэт в воздухе и сливались с ним, становясь его частью. Анна, встречая его, не стояла и не сидела, она парила, невесомая и ненастоящая.

Вот тогда, почувствовав, что он уже никогда этого не забудет, даже если очень захочет, Леон понял ее игру и усмехнулся. Он был раздражен – но и впечатлен. Шах и мат, нужно уметь проигрывать, и сейчас он вынужден был признать, что она влезла ему в голову еще до того, как он ее увидел и узнал.

Теперь, смирившись с этим и пообещав себе со всем разобраться позже, когда он сможет снова просмотреть в памяти свой путь сюда, он наконец разглядел ее.

Она не умела летать, и магии в ней тоже не было. Просто в потолок этой комнаты, такой же серой, как все остальные, были вбиты металлические петли. На них крепились тканевые ленты, похожие то ли на качели, то ли на узкие гамаки. Леон знал, что это такое, видел в спортивном клубе, где тренировался сам, просто никогда не использовал. Эти ленты предназначались для воздушной йоги. Используя их, можно было выполнять все те же асаны, но в подвешенном состоянии, без точки опоры, и это все значительно усложняло. Чтобы развлекаться таким, нужно было не просто знать йогу, требовался поразительный уровень гибкости, координации и выносливости.

У Анны все это было, и она грамотно использовала свои преимущества, став изящным силуэтом в золотых огнях. Она вытянулась среди лент, замерла, и чувствовалось, что ей несложно вот так парить, она могла хоть весь день здесь провести.

Но теперь, когда она убедилась, что нужный эффект произведен, она не стала продолжать игру. Анна легко скользнула в один из тканевых гамаков и устроилась на нем в позе лотоса, без труда поддерживая равновесие.

– Это было обязательно? – спросил Леон.

– Ко мне можно на «ты», – сказала она.

И это было чем-то вроде негласного договора между ними: Сергей Пыреев беспокоился зря, в этот раз они сработаются.

Разглядывая Анну, Леон понимал, почему она устроила этот спектакль. Если бы они встретились в кафе, как цивилизованные люди, он бы не запомнил этого знакомства, не выделил его в очереди других, которых у него, ныне работающего начальником охраны, было много. Анна Солари была привлекательной – и не более, она не была обворожительно красивой, и ее внешность не шокировала. Фигура тонкая и подтянутая, совсем как у тех манекенов, однако не лишенная женственности, не перегруженная мышцами, черно-красный костюм для занятий йогой позволял не сомневаться в этом. Кожа у хозяйки дома была светлой, благородного фарфорового оттенка, тут ей повезло. Глаза, наблюдавшие за ним, оказались чайными – не редкость, но и не самое обычное сочетание с такой кожей. Волосы были собраны в небрежный пучок, позволявший, однако, предположить, что они не слишком длинные. Их ярко-красный цвет идеально гармонировал со спортивным костюмом, но Леон не сомневался, что это краска, да еще и не самая лучшая.

Он, привыкший подмечать все детали, обратил внимание и на то, что на правой руке Анна носила черную перчатку, да и рукав топа там казался плотнее, словно под тканью скрывались то ли эластичные ленты, то ли бинты. Но кто их поймет, этих йогов? Может, сейчас мода такая, для Леона это было не важно.

– Рассказывай, зачем пришел, – благосклонно кивнула ему Анна.

– Я передал Сергею Аркадьевичу все материалы по этому делу – предполагалось, что он перешлет их тебе.

– Он и переслал.

– Ну и?

– Я прочитала. Именно поэтому я здесь, ты здесь, а дверь была открыта для тебя. Но дело не в тебе.

– Дело в нем, – согласился Леон. – В этом маньяке... Я ведь не ошибся? У нас тут серийный убийца?

– И один из худших, что мне доводилось видеть, если мои первые предположения верны, – ответила Анна. – Но не будем торопить события, возможно, я и ошиблась. Первое впечатление обманчиво.

– А поподробней нельзя?

– Нет. Я не люблю читать лекции. Пыреев сказал, что тебе нужны ответы – так задавай вопросы.

Что ж, Сергей Аркадьевич предупреждал его, что просто не будет, и знакомство с ней стало лучшим тому подтверждением. Но Леон не собирался поддаваться, раздражение и гнев улеглись, он был спокоен.

Он не знал, на что она способна, и допускал, что она еще может оказаться пустышкой. И все равно он задал Анне вопрос, не дававший ему покоя с тех пор, как он согласился помочь с расследованием.

– Зачем он это сделал?

– Чтобы посмотреть, как она умирает. Причин, на самом-то деле, может быть несколько, мы еще слишком мало знаем, чтобы делать однозначные выводы. Возможно, он хотел кого-то впечатлить, похвастаться тем, что умеет, есть категория серийных убийц, которые обожают все эти кошки-мышки с полицией. И все же я думаю, что это не его случай.

– Почему?

– Потому что о других его жертвах мы ничего не знаем, – пояснила Анна. – А маньяки, рвущиеся к славе, похожи на неразумных детей: они выставляют напоказ все свои поделки.

– Ты считаешь, что у него были и другие жертвы?

– Вероятность – девяносто девять процентов.

– И тут я вынужден повториться: почему?

- Потому что он зачарован смертью, он все это устроил, чтобы посмотреть на новую форму умирания. Все люди, увлеченные определенным делом, сначала учатся, идут от простого к сложному, и убийцы - не исключение. Он уже видел смерть, думаю, не один раз. Он видел ее разные формы, он их попробовал и пресытился. И до этого уровня он добрался после определенного пути. Для начала предположим, что он не играет с полицией - а я в это верю, потому что для игры с полицией ему нужно было действовать очевидней. Публичность его преступления - это вынужденная мера. Ему пришлось отпустить свою жертву, чтобы посмотреть, как она умирает на своей территории, в своем убежище, и осознает, что ее уже ничто не может спасти.

Вот этого и хотел Леон. Он не понимал ее - и не понимал человека, о котором она говорила. Но Анна вполне могла стать тем переводчиком, которого он искал.

- Нам нужны эти другие жертвы, - указал он. - Они - ключ к нему.

- Согласна. Так ищи, ты же полицейский!

- Я не совсем полицейский, но суть не в этом. Я уже искал - и ничего!

- Расскажи мне, как ты искал.

Это тоже было в материалах, которые он передал Пырееву. Однако и на эту провокацию Леон не попался, не дал ей увидеть его раздраженным. Она хочет повторения? Да пожалуйста!

- Из всех указаний на предыдущих жертв у нас есть только мертвая почка, которую пересадили Валентине Сурковой. Она принадлежала женщине лет тридцати пяти - сорока, которая в момент смерти была сильно пьяна.

- Была пьяна или была алкоголичкой? Это важно.

- Была пьяна. До пересадки почку хранили в формалине около месяца, и, естественно, она не подходила для пересадки живому человеку.

- Так как ты искал донора?

- Не думаю, что та женщина добровольно стала донором, - заметил Леон.

- Суркова же стала.

- Да, это верно... Но я искал не живых, а мертвых. Я изучил все смерти и исчезновения женщин подходящего возраста, произошедшие около месяца назад. Ничего! У нас нет ни одного трупа без почки и ни одной женщины подходящего возраста.

- Возможно, и не будет. Сценариев много: донор могла остаться в живых, он мог избавиться от тела, о ее пропаже могли и не заявить, если она была одинока и никому не нужна. Но что нам дают эти сценарии?

- Ничего.

- Вот именно, - кивнула Анна. - Поэтому их не будем даже рассматривать. Вот что я тебе посоветую... Расширьте время поиска. Ищи всех женщин, умерших и пропавших за последние полгода. Кто сказал, что он убил ее сразу? Мы еще не знаем его. Полностью не узнаем никогда, но портрет составим - позже. Сейчас он может быть каким угодно и уметь что угодно. Ищем не только в Москве, но и в Подмосковье, не думаю, что он решился бы ездить с почкой по стране. Что нам важно? Это женщина, ей от тридцати до сорока лет, она пропала не позже месяца назад - но, возможно, намного раньше. Все остальное нас не интересует, поэтому просматривай даже те дела, которые считаются раскрытыми.

- Это большое поле работы, подозреваемых тоже будет много, но не факт, что нам кто-то подойдет.

- А я вообще гарантий не даю, профессия не та. Но поступим так: сделай это, проверь, и если найдется второе тело, я помогу тебе, потому что станет очевидно, что это охотник, и мы поймем его. Но если тела нет... Приятно было познакомиться.

* * *

Дверь распахнулась с оглушительным грохотом, и в кабинет ворвалась фурия.

Фурия, надо отдать ей должное, была прекрасна – высокая, стройная, с великолепной грудью и копной роскошных медовых волос. Но Дмитрий, знакомый с ней много лет, по опыту знал, что на эту красоту лучше не отвлекаться – потому что она не делала фурию менее опасной. Сейчас ее голубые глаза сияли неподдельным гневом, а значит, она не просто о чем-то догадывалась, она знала наверняка.

– Дима, какого хрена здесь происходит?!

– И тебе привет, Лида. Может, сядешь и поговорим нормально?

Когда речь заходила о шпионаже, способностям этой женщины позавидовал бы Джеймс Бонд. Причем появлялись они мистическим образом: Лидия не была ни слишком умна, ни слишком коварна, ей больше нравилась роль нежной избалованной принцессы. Но когда доходило до дела, она умела добиваться своего.

Она подошла к его столу, однако садиться не спешила. Ей, похоже, нравилось нависать над собеседником.

– Чем занят мой муж?

– Работает...

– Язык себе откуси лучше, а не такую ахинею неси! – взвизгнула она. – Работает он! Я прекрасно знаю, что он взял отпуск, я сегодня была у него на работе!

– А зачем ты была у него на работе?

– Да потому что Леон в последнее время стал странным – он чем-то увлечен, я вижу, а до этого много месяцев мрачный, как туча, ходил. К работе он никогда так не относился! У него что, баба появилась? Да? И ты его покрываешь?!
Поверить не могу!

Возмущение Лидии было вполне оправданным, потому что Дмитрий всегда оставался на ее стороне. Да ведь он их и свел!

Он прекрасно знал, что его брат слишком безответственный, чтобы создать собственную семью. А ведь семья – это основа всего: спокойствия, счастья, психологической стабильности, которой так не хватало Леону. Поэтому Дмитрий внимательно присматривался к тем красавицам, которые мелькали рядом с его братом, и выбрал Лидию.

Она понравилась ему всем – удивительно красивая, в меру наглая, а главное, мечтающая о семье. Она и Дмитрий начали давить на Леона с двух сторон сразу, и Леон, которому было все равно, не стал спорить. Его и самого устраивала уютная жизнь, которую создала ему Лидия. К тому же он как-то обмолвился брату, что не видит разницы между своими подружками. А если разницы нет, почему бы не остановиться на одной?

Дружба, завязавшаяся между ними тогда, помогала Дмитрию все эти годы. Лидия исправно сообщала ему, если с братом что-то не так, помогала направлять Леона на путь истинный, делала его лучше, как любая жена меняет своего мужа.

Лишь в одном их мнения разошлись: Дмитрий хотел, чтобы Леон остался в полиции. Он видел в этом не просто работу, а долг, который братья платили за другого человека. Лидию долги не волновали, особенно моральные, ее интересы были куда практичней. Зарплата простого следователя ее категорически не устраивала. Она напряглась, задействовала старые связи и нашла Леону работу начальника охраны влиятельного бизнесмена.

Дмитрий, поначалу возмущенный таким подходом, скоро поддержал ее – когда ему сообщили, что Леон избил подозреваемого. Особого скандала не было, и дело просто замяли бы, потому что подозреваемый, по слухам, сам нарывался. Но для Дмитрия тревожный звоночек уже прозвучал: он увидел в этом поступке знак тех перемен, которые он больше всего боялся увидеть в младшем брате.

Поэтому они вместе с Лидией заставили Леона перейти на другую работу, и все вроде как были счастливы – до сегодняшнего дня.

– Дело в женщине? – допытывалась Лидия. – Кто она? Откуда взялась? И почему ты ее покрываешь? Сам ведь трындел, что семья дороже всего!

– Не трындел, а говорил, и я до сих пор в это верю.

- Но оказалось, что семья – это не только я, это еще и любовница?

- Да угомонись ты, голова уже от тебя болит, – поморщился Дмитрий. – Нет у него никакой любовницы.

- Не шути со мной!

- Я не шучу, если сказал нет, значит, нет. Послушай... Леон помогает мне с одним очень важным делом, этим он и занят. Ни о какой любовнице тут речи не идет!

Лидия наконец опустилась на стул – и не просто села, а плюхнулась так, будто у нее отказали ноги. Если она ожидала, что он кинется ей на помощь, то напрасно – Дмитрий слишком хорошо знал все ее уловки.

- Ты ведь не будешь мне врать? – жалобно спросила она. – Мне, между прочим, нелегко было прийти сюда!

- Что тут сложного? Кабинет как кабинет. Заметь, это ты отвлекаешь меня от работы, не наоборот.

Лидию вообще сложно было отвлечь от работы – она работала только под настроение, когда ей становилось совсем уж скучно сидеть дома. Да и то Дмитрий не назвал бы съемки для каталогов нижнего белья полноценной работой.

- У тебя тут страшно! – пожаловалась Лидия.

- Мы сидим в самом обычном кабинете, что здесь страшного?

- В кабинете – ничего, а в здании что? Может, у тебя тут ходячие мертвецы, откуда мне знать!

- Все мертвецы у меня исключительно лежащие, уверяю тебя. Не придуривайся, Лида, я знаю, что ты не настолько сентиментальна.

Она наконец перестала смотреть на него глазами испуганного котенка и криво усмехнулась.

- Ладно, раз «девочка-девочка» на тебя не действует, поговорим умным языком цифр. Я не знаю, с чем Леон тебе помогает, но догадываюсь. Ты понимаешь, что очередное расследование может стоить ему работы? Шикарной, высокооплачиваемой и ненапряжной!

- Он ведь взял отпуск, не так ли?

- Отпуск не длится вечно. Успеет ли он закончить свои игрища в этот срок?

- Не успеет - тогда и будем разговаривать, а пока не вижу смысла возмущаться, - рассудил Дмитрий.

- Это его жизнь.

- И я не позволю Леону ее разрушить, но пока все под контролем.

- Ладно, развлекайтесь, все равно я не могу вложить ни грамма ума в ваши пустые головы, - отмахнулась Лидия. - Только, Дима, запомни... Если я узнаю, что вы с братом меня дурите и у Леона появилась другая женщина, я вам обоим глотки перегрызу. Обещаю.

Глава 3

Джек

В кафе были высокие окна - от пола до потолка, за окнами мелькали люди, а за столиком кафе сидела женщина, мало похожая на Анну Солари, которую Леон видел в загородном доме. Он едва узнал ее, и, если бы она не махнула ему рукой, он бы и вовсе прошел мимо.

Сейчас, при свете пасмурного дня, ее кожа казалась темнее, ее лицо обрамляли черные волосы – парик, но отличный. Строгая геометричная форма каре придавала ее чертам угловатости, жесткости даже, а отсутствие косметики и очки в крупной оправе делали ее образ почти бесполом. Ее тонкая фигура скрывалась в свободном деловом костюме, стилизованном под мужской и лишь размером доказывающем, что она не утащила его из чьего-то шкафа. Обе руки Анны скрывались в тонких черных перчатках, поверх одной из которых были надеты дорогие часы.

– У меня такое ощущение, что я пришел на встречу со своим адвокатом, – усмехнулся Леон.

– Район такой. Я в нем гармоничней, чем ты.

Это она подметила верно: они встретились в кофейне, ценник которой заставил бы стыдливо краснеть рестораны. Вокруг сидели люди в модных костюмах, в очках, с портфелями, и Леон в своей кожаной куртке и джинсах как раз смотрелся гостем из иного мира. Впрочем, не настолько, чтобы на него указывали пальцами или в ужасе бежали прочь.

Он не любил такие места: слишком богемно, слишком много пафоса. Однако сейчас им необходимо было встретиться именно здесь.

– Ты всегда маскируешься под местность, хамелеон? – поинтересовался он.

– Обычно это работает. Ты ведь нашел, кому принадлежала почка, не так ли?

– Возможно. Или я выманил тебя на встречу, чтобы уговорить помочь мне, несмотря на то что я ничего не нашел.

– Нет, – покачала головой Анна.

– Вот так просто – нет?

– Конечно. Ты слишком гордый, чтобы просить. Да и потом, если бы ты не нашел донора, ты бы и сам признал, что вести охоту нет смысла. Но ты нашел.

Леон кивнул и достал из рюкзака папку с файлами. Официантка, проходившая мимо, презрительно покосилась на канцелярского вида картонную папку, которая на безупречной глянцевой поверхности столика смотрелась грязным пятном, но ничего не сказала.

Анну папка не смутила, как не смутили ее и жуткие фотографии, хранившиеся внутри. Любая знакомая Леону женщина, начиная с Лидии, уже откинула бы эти снимки в ужасе и назвала его извращенцем. Но для Анны Солари они были тем же, чем и для него: улика, и ничего личного.

– Рассказывай, – бросила она.

– Там все написано.

– Читать я буду дольше, и это будет странно: я читаю, а ты молча пялишься на меня.

Она не сказала, что ему просто хочется рассказать, но наверняка поняла это. Догадаться несложно: рассказ об успехе был своего рода трофеем, а никто не прячет трофеи в темный угол.

– Если честно, сначала твоя идея показалась мне бредовой, – начал Леон. – Если бы кто-то нашел труп женщины с вырезанной почкой, хоть месяц, хоть год назад, отыскать данные об этом было бы несложно. А тишина указывала, что ничего не было.

Но он все равно перепроверил, хотя результат оказался предсказуемым: ничего. Леон заглянул на год в прошлое, проверил и Москву и Подмосковье, однако загадочных смертей с исчезновением органов просто не было.

– Знаешь, у меня даже мелькнула мысль, что трупа не было, что он просто похитил где-то донорскую почку.

– Зря мелькнула, – покачала головой Анна. – Он не вор, он – убийца. Ты должен понимать вот что: убийство в его сознании – не преступление, а воровство – преступление, которого он будет избегать, потому что оно ниже его достоинства. Он пользуется первобытным правом охотника на добычу.

– Кто-то должен намекнуть этому первобытному, что у нас тут двадцать первый век кое-как настал! Ладно, запомню, но тогда я этого не знал, так что поискал дела о похищении органов, но таких дел не было.

Леон старался показать, что все это было не так уж сложно – сел выпить чашечку кофе, а между делом пролистал архивы. На самом деле, ему пришлось работать больше суток, да и то с доступом к файлам, о которых ему после увольнения из полиции полагалось забыть.

Лидия, конечно же, отнеслась к этому без понимания. Она попыталась устроить скандал, однако Леон умел ставить ее на место. Она попробовала порыдаться, но, сообразив, что и это не поможет, заперлась в спальне и пригрозила покончить с собой; скоро оттуда послышался звук работающего телевизора.

Лидия с собой так и не покончила, а он продолжил работать.

У Леона оставалось всего два варианта: или тело жертвы так и не нашли, или оно было в таком состоянии, что потерю органа просто никто не заметил. Он решил начать проверку со второго варианта – и тут ему неожиданно улыбнулась удача.

Анна достала из папки портретное фото и положила его перед собой, внимательно рассматривая.

– Это она?

– Да, – подтвердил Леон. – Диана Жукова, тридцать шесть лет. И ты была права, ее дело было закрыто.

Со снимка на них смотрела ухоженная женщина, выглядевшая заметно моложе своих лет. Она, красивая от природы, умела себя подать, и чувствовалось, что за эти тридцать шесть лет ей не пришлось столкнуться ни с серьезными испытаниями, ни с изнурительной работой.

Она была чуть ли не противоположностью Валентине Сурковой – потрепанной и состарившейся раньше срока. Они не были ничем похожи, и это ставило в тупик: Леон всегда верил, что маньяки выбирают себе похожих жертв. А между этими

что общего? То, что обе они женщины?

Диана Жукова жила в центре города, отлично зарабатывала, постоянно мелькала на светских вечеринках. Правда, когда она пропала, все это оказалось не так уж важно. Одни ее друзья думали, что она просто на другой вечеринке, другие верили, что Диана все бросила и улетела на курорт, водилась за ней такая привычка.

Она была яркой и пестрой, как бабочка, но... кто отличит одну бабочку от другой? Кто вообще видит между ними разницу? Диану многие знали, и желающих приветствовать ее условным поцелуем в щечку, изображающим дружбу, хватало. Но когда она вдруг пропала, никто из ее мнимых друзей и не подумал подавать заявление.

- Кто в итоге обратился в полицию? - спросила Анна.

- Директор магазина, принадлежавшего ей. Благодаря ей мы знаем, что Жукова исчезла за два месяца до убийства Валентины Сурковой.

Полиция приняла заявление и даже попыталась искать Диану, но быстро расслабилась. Все, с кем беседовали следователи, твердили одно и то же: она не пропала. Она просто развлекается, это же наша Дианка! Вы сейчас тут носитесь, переживаете, а она где-нибудь на Гоа или среди улочек Амстердама. А что? Может себе позволить, скоро вернется!

Но Диана не вернулась, а нашлась, и не на Гоа, а в собственной искореженной машине у загородной трассы через месяц после своего исчезновения. Эксперты установили, что, садясь за руль, Диана была мертвецки пьяна. Она гнала на нереальной скорости, такую не каждый самолет разовьет. В итоге она, конечно же, не справилась с управлением и вылетела в кювет. Машина оказалась так изломана, так искорежена, что от тела водителя мало что осталось.

- Верхнюю часть тела еще можно было опознать, лицо худо-бедно сохранилось, - пояснил Леон. - Нижнюю половину перемололо так, что многие органы оказались разорваны.

- Разорваны, - повторила Анна. - Как удобно, если нужно скрыть, что одного из них недостает.

- Да, там все было в кашу, с которой никто не собирался возиться.

- Да и зачем, если все очевидно? Пьяная баба где-то шаталась... сколько?

- Месяц.

- Месяц шаталась, наверняка пьянствовала, села за руль - и вот результат. Виновата она, и хорошо, что больше никто не пострадал, дело закрыто. Ты уверен, что почка принадлежала Диане Жуковой?

- Мой брат уже все проверил, он связался с экспертом, проводившим вскрытие. Да, это точно ее.

- Но почка, очевидно, была удалена до аварии, и все сходится, - задумалась Анна. - Она погибла как раз месяц назад. Где она была за месяц до этого - тот еще вопрос, но нам пока важно другое.

- Нам много что тут важно, и мне просто любопытно, что именно привлекло тебя.

- Точность расчета. Как и в случае с Тиной, он все учел, все сложил так, как было выгодно ему. Он не оставил ни следа, ни намека на себя. Он заставил всех проглотить ту версию, которую он испек.

- А еще он неплохо разбирается в машинах, - добавил Леон. - Он знал, в каком состоянии должна быть машина, в каком - тело, чтобы все это не выглядело подозрительным. Что думаешь? Ты же у нас эксперт! Ты сказала, что если найдется вторая жертва, это будет твое дело.

- Я от своих слов и не отказываюсь, - еле заметно усмехнулась Анна. - Скажу больше: я бы не отказалась от этого, даже если бы ты не продолжал расследование, просто справлялась бы без тебя. Но с тобой перспективней. Итак, у нас две жертвы. Подозреваю, что это еще не все, но две - это уже много, это пусть и короткая, но цепь. Чтобы узнать его, мне нужно узнать их. С Тиной все более-менее ясно, а эта Диана... она мне пока непонятна.

- Да уж, разбежка у него нехилая - от бизнес-леди к уличной проститутке!

– Нет. Все может быть не так, как тебе кажется. Поэтому мне и нужны сведения о Диане.

Леон бросил быстрый взгляд на часы.

– Будут через пятнадцать минут.

– Хм?

– Я связался с той самой дамой, которая подала заявление. Магазин находится на этой же улице, она подойдет к нам в обед.

Анна не была удивлена, она лишь спокойно кивнула:

– Да, я догадывалась.

Тут уж Леон не выдержал:

– Как о таком можно догадаться?!

– Не о том, что ты позовешь конкретно ее, не переоценивай меня. Но я предполагала, что мы здесь ради встречи с кем-то еще. Ты бы добровольно в такое кафе не пошел.

И снова она его раскусила – Леон терпеть не мог подобные места. Все эти чашечки странной формы, непомерно большие тарелки, на которых лежали крошечные пирожные, все эти девочки, фотографирующие все, что собирались съесть или выпить. Нет, это никак не вязалось с его представлением о подходящей атмосфере для разговоров.

Однако эти же девочки с камерами, бесконечно длинными ногтями и массивными губами были главными клиентами магазина, принадлежавшего Диане Жуковой. Они давали ей деньги, позволявшие ей по первому капризу сорваться и улететь в Италию. И судя по тому, как жила Диана, бизнес процветал.

Но сама она скорее порхала где-то рядом, дела Диана не вела – это было слишком скучно для нее. Документы и рутину взяла на себя Ольга Махновец, единственный человек, которого обеспокоило исчезновение Жуковой, который вообще придал значение тому, что она исчезла!

Ольга появилась точно в назначенное время. Леон знал, что она чуть старше Дианы, а выглядела старше на целую жизнь. Дорого одетая, но не такая холеная, уставшая, с заметными даже сквозь макияж мешками под глазами, она была далека от гламурной жизни барышень, увлекающихся мехами, для нее красивая жизнь других была работой.

Леон поднялся ей навстречу, отодвинул для нее стул, приглашая присесть, быстро показал ей удостоверение. Ольга вряд ли была из людей, способных распознать, что оно ненастоящее, но рисковать он не хотел.

– Леонид Аграновский, мы с вами беседовали по телефону, – представился он.

Анна, к его удивлению, тоже показала удостоверение, причем так же ловко, как он – вроде как официально, но достаточно быстро, чтобы никто ничего не прочитал.

– Елена Мыслицкая, я из прокуратуры, – заявила она.

– Из прокуратуры? – удивилась Ольга. – Все настолько серьезно? Мне сказали, что смерть Дианы была несчастным случаем...

– Есть основания полагать, что в расследовании были допущены грубые ошибки, – невозмутимо пояснила Анна. – Пока рано что-то утверждать, мы проводим проверку. Вы можете стать главным свидетелем.

– Могу? А сейчас я не свидетель?

– Это неофициальный разговор, – поспешил успокоить ее Леон. – Следствие только начинается, все, что вы скажете здесь, останется между нами. Помогите создать общую картину того, что случилось с Дианой на самом деле, и позже вас официально вызовут на допрос.

– Это я могу, – согласилась Ольга. – Потому что мне тоже кажется, что никакой это не несчастный случай.

Леону не слишком нравилось, что Анна затеяла свою игру, не посоветовавшись с ним – даже не предупредив его! Однако он легко смог влиться в эту игру, и ему было приятно чувствовать, что он все еще в форме.

Так что теперь Ольга, сидящая напротив них, и правда видела перед собой серьезную, сухую, а оттого явно настроенную на справедливость сотрудницу прокуратуры и добродушного, достойного доверия полицейского, который определенно был на ее, Ольги, стороне.

– Вы считаете, что Диану могли убить? – строго спросила Анна. – У нее были враги?

– Я не знаю... Я вообще мало что о ней знаю. Но для нее это нормально, такая скрытность была частью ее профессии.

– С каких пор владелицы меховых салонов работают, как британская разведка?

– Я говорю о другой ее профессии, – многозначительно произнесла Ольга.

– Это какой же?

– Да ладно, не делайте вид, что не догадались! У Дианки была трехкомнатная квартира в центре, машину она меняла раз в год, когда ей цвет надоест, а если ей хотелось новое платье, она отправлялась на показ в Милан. Это вам ни на что не намекает?

– У нее бутик в престижном районе, причем довольно известный, – указала Анна.

Но Ольга лишь рассмеялась – и в этом смехе было что-то невеселое и злое.

– Ой, да перестаньте вы! Я этому чуду торговли больше пяти лет отдала, я прекрасно знаю его потенциал. Когда я пришла, там полный бардак был – с документами, с бухгалтерией, да со всем! Дианка ничем не занималась, максимум, что она могла, – это выбрать, какие шубы будут продаваться. Я кое-

как разгребла эту конюшню, и сейчас бутик позволяет платить зарплату персоналу, мне, Диане на счет что-то капало... Но этого не было бы достаточно для того образа жизни, который она вела. Знаете, я никогда никому не говорила об этом, когда она была жива, но... сейчас-то, наверное, уже можно?

- Можно и нужно, - подтвердил Леон. - Только так мы сможем узнать, что с ней случилось на самом деле, важна любая деталь.

Диана Жукова прибыла в Москву, когда ей не было и восемнадцати. Родителям она заявила, что отправляется учиться - но, конечно же, не поступила. Зато всем в родном городе сказала, что поступила, чтобы ей не задавали лишних вопросов, потому что к этому моменту она нашла способ остаться в столице.

Она была удивительно красива - великолепная фигура, стройная, но без модной ныне худобы, нежное кукольное лицо, воздушные льняные кудри. Диана смотрелась ангелом и быстро наловчилась вести себя как ангел, кокетливый и невинный. Собственно, тогда она и была невинной, но достаточно сообразительной, чтобы продать это преимущество, а не потерять на какой-нибудь узкой кровати студенческого общежития «по любви».

Она нашла себе богатого покровителя. Женатого, но Диане так было даже удобней - она и не хотела связывать всю свою жизнь с немолодым уже москвичом. Он купил ей небольшую квартиру, оплачивал ее счета, даже возил с собой за границу - так она впервые увидела океан. Но при этом он дал молодой любовнице понять, что и у его щедрости есть граница, пересекать которую нельзя.

Поначалу Диану это устраивало, а когда она захотела большего, она просто рассталась со своим почитателем и стала искать нового. Ничего личного, просто работа - так она к этому относилась. Она ходила по дорогим вечеринкам, презентациям и выставкам, как иные ходят по собеседованиям, присматривалась, показывала себя, пока не нашла то, что нужно.

Ее новый обожатель был иностранцем, работающим в России, в Москве он бывал от силы три месяца в год. Эти месяцы Диана превращала в такую сказку, что он исправно перечислял ей деньги в любое время, помог сменить однушку на шикарные трехкомнатные апартаменты и не слишком интересовался, насколько она ему верна. Так Диана занималась «любимым делом», а заодно и заводила

себе по-настоящему привлекательных любовников.

Но, к ее немалому сожалению, иностранец погиб на родине, и ей пришлось снова выставить себя на аукцион. На этот раз поиск затянулся на полгода, прозвучал первый тревожный звонок. Диана все же нашла очередной источник дохода, однако ей пришлось признать, что она не молодеет. Чтобы не потерять былые позиции, ей нужна была новая роль – роль состоявшейся бизнес-леди, хозяйки своего дела, так она получила бы уважение, которое открыло бы ей двери в определенные круги.

Она попросила своего покровителя о помощи, он не стал отказывать. Он привык к тому, что любовницы клячат у него квартиру, а у Дианы квартира как раз была. Купить ей бизнес оказалось дешевле.

Вот только бизнес-леди из Дианы, которая дальше школьного образования не продвинулась, получилась сомнительная. В первое время она, полная энтузиазма, еще пробовала справляться самостоятельно. Но когда до нее дошло, что дело разваливается, она решила передать магазин кому-то другому, достойному доверия, однако не способному стать ей соперником.

Так она перевезла в Москву Ольгу Махновец, свою бывшую школьную подругу. Та шла по жизни другим путем: стала экономистом, вышла замуж, родила дочь, потом развелась – получила свое «как у всех» по меркам небольшого городка. Ольга жила неплохо, но совсем небогато, поэтому предложение Дианы приняла с радостью.

После приезда в Москву ей действительно досталась жалкая пародия на бизнес с хамоватым персоналом и уничтоженной бухгалтерией. Но Ольга трудностей не боялась, она привела дела в порядок и даже превратила полуразвалившийся магазин в модное местечко.

В следующие годы обеих все устраивало. Ольга вела бизнес как свой, Диана не вникала в скучные для нее подробности и, числясь хозяйкой магазина, почти там не бывала.

– Она забегала в дни, когда привозили новую коллекцию, – пояснила Ольга. – Присмотреть, не подойдет ли ей какая-нибудь шубка. Ну, и иногда она заставляла меня устраивать презентации для журналистов, чтобы помелькать

перед ними.

– Зачем? – спросил Леон.

– Думаю, чтобы показать всему миру, чем она занимается и откуда у нее деньги. Не думаю, что это ее инициатива, скорее, этого требовал ее «папик». Ему было важно, чтобы Диана казалась самостоятельной успешной женщиной, тогда уменьшались шансы того, что ее свяжут с ним.

– Он был женат?

– И жена, и... того. – Ольга показательно указала пальцем вверх. – При должности. Но с ним у Дианы все было хорошо. Она не брала из кассы магазина ни копейки, ей это было и не нужно, деньги у нее водились. Вся ее жизнь – это он, подарки от него... Она со мной не откровенничала, но как-то обмолвилась, что эта связь еще лет пять протянет, настолько им было хорошо вместе. А потом случилось... вы знаете что.

Все это время Леон наблюдал за ней, пытаюсь понять, врет она или говорит правду. Похоже, Ольга не лукавила: они с Дианой Жуковой не были подругами, но ей было искренне жаль погибшую приятельницу.

– Могла ли она так умереть? – задумчиво продолжила Ольга. – Да, наверное, могла. Дианка была за рулем много лет, гоняла очень уверенно и была из тех, для кого существует понятие «не такая уж я и пьяная». Несколько лет назад она уже попадала в аварию, правда, не такую серьезную, тогда все обошлось. А теперь... когда мне сказали, что она разбилась насмерть, я поверила в это.

– Но не похоже, что вы шокированы продолжением расследования, – отметила Анна.

– Да потому что было в этом деле что-то странное... Не очевидное, а, знаете... будто вызывающее подозрения.

– По-настоящему Диану, думаю, знали только вы, – напомнил Леон.

– Насколько это вообще было возможно.

– И заявление подали только вы. Так что, если вам что-то показалось подозрительным, говорите.

– А кто еще стал бы ее искать? – вздохнула Ольга. – Ее любовник? Я вас умоляю! Нет, возможно, он и искал ее своими способами, но он никому не позволил бы узнать об этом. Хотя, скорее всего, не искал. У Дианки действительно была привычка все бросать и уезжать: на месяц, два и даже три. Думаю, вам говорили об этом. Возможно, и ее покровитель поверил, что она уехала, а когда ему сказали, что она разбилась, поверил в это. Станет он разбираться, как же!

– Все поверили, а вы – нет, раз пошли в полицию?

– Было непросто, скажу честно. Я опасалась, что Дианка разозлится на меня за то, что я привлекла к ней такое внимание, что вообще уволит – а мне работу терять нельзя, у меня дочь!

– Так почему вы решились? – поторопила ее Анна.

– Потому что слишком уж странно она вела себя перед исчезновением. Дианка – человек жизнерадостный, оптимистка... была. До сих пор сложно говорить о ней в прошедшем времени... Так вот, она со всем предпочитала справляться с улыбкой, но во время нашей последней встречи она была очень мрачной.

– Испуганной?

– Скорее, злой.

– Зачем вы встречались? – уточнил Леон.

– Она сама приехала в бутик без предупреждения, хотела переговорить со мной. Спрашивала, не рассказывала ли я о ней, не приходил ли кто-то интересоваться ею. А я что могу сказать? Не было, конечно! Я тогда решила, что это у них с покровителем какие-то свои дела, которые меня не касаются. А потом она пропала... Дальше вы знаете.

Образ Дианы Жуковой действительно оказался не совсем таким, как ожидал Леон. Он представлял бизнес-леди, а получил содержанку. Зато теперь сходство

между ней и Валентиной Сурковой становилось все более очевидным.

Ольга вдруг забеспокоилась:

- Послушайте... Вы сказали, что будете вызывать меня на допрос. Это правда?

- Пока сложно сказать, в зависимости от того, как пойдет проверка, - ответила Анна. - А что?

- Я бы не хотела нигде мелькать!

- Почему?

- Вдруг это связано с ее покровителем? - прошептала Ольга. - Я не знаю его имени, но Дианка намекала, что это такой человек... такой человек... вы не представляете! Что, если это он избавился от Дианки? Нет, мне такие враги не нужны, я против него ни слова не скажу! Дианку мне безумно жалко, но моя жизнь и мой ребенок мне дороже.

- Учтем, - кивнул Леон. - Возможно, вас и не будут вызывать на допросы. Но высока вероятность, что ее, как вы говорите, покровитель не имеет к этому никакого отношения.

* * *

Всегда ищи подобное - этот принцип еще никогда не подводил Анну Солари.

Невозможно понять маньяка так легко и просто, лишь взглянув на одну из его жертв. Зато велик соблазн придумать сотню небылиц о нем, и каждая из них будет смотреться более-менее правдоподобно. Он убивает женщин, потому что у него была властная мать? Почему нет! Он ненавидит проституток, потому что у него проблемы с сексом? Запросто! Он забрал почку, потому что он - каннибал? Все возможно!

Нет, это не дело, обилие теорий было так же бесполезно, как и полное неведение. Опыт научил Анну, что каждый серийный убийца - это зверь нового

вида. Его преследователи – это первооткрыватели, которым предстоит не понять мышление зверя, а догадаться, с чем они имеют дело.

Поэтому Анна использовала те же инструменты, которые использовал бы путешественник, впервые попавший в неведомые джунгли. Она смотрела на своего нового зверя и пыталась найти сходство между ним и уже известным. Это вполне могло привести ее к ошибке, и тогда пришлось бы все начинать заново. Но это было все равно лучше, чем фантазировать над его биографией.

Теперь ей предстояло понять, на кого похож убийца Валентины Сурковой и Дианы Жуковой. Зная это, она могла бы сравнить его с кем-то другим, вспомнить, как поймали того убийцу, и использовать те же методы. Итак, кто он?

Он – убийца без жалости.

Он выбирает проституток. С Валентиной Сурковой все понятно, ее профессия не оставляет сомнений. Но ведь и Диану Жукову тоже можно назвать проституткой, если задуматься: она продавала свое тело за деньги. Только тут есть нюанс... Анна знала, что чаще всего маньяки нападают на проституток, ненавидя не конкретно их, а всех женщин вообще. Просто жрицы любви были самыми доступными, беспомощными и незащищенными из всех представительниц прекрасного пола. Покупая их, серийный убийца оправдывал сам себя тем, что они уже падшие, грешные и, в его мире, достойные смерти. Но Диана Жукова была не такой, он пошел на немалые усилия, чтобы уничтожить именно ее, хотя у него наверняка нашлась бы жертва попроще. Значит, именно в его случае все дело не в женщинах вообще, а именно таких женщинах – тех, чья цена измеряется деньгами.

Он неплохо образован. Обычный псих не разобрался бы в анатомии, не сумел бы подстроить операцию, не замел бы следы. Для этого недостаточно житейской смекалки, нужен доступ к знаниям. Получается, если он и молод, то не слишком, но вряд ли стар.

Он не рвется к славе. Наверняка он таился в тени не один год и привлек к себе внимание лишь тогда, когда это было нужно для грандиозного убийства. Даже давая волю своей ярости, он сохраняет контроль.

Он не боится крови, но вот как он относится к сексу? Похоже, изнасилование как таковое его не интересует. Да и зачем ему это? Он проводит своих жертв через нечто гораздо более интимное и жуткое – он отнимает у них части тел, а потом и их жизнь. Нет, изнасилование для него, скорее всего, – это примитив, это грязь, в которой он не хочет мараться.

На кого же он похож?..

– Джек, – прошептала она.

И как только она произнесла это вслух, все стало на свои места. Детали складывались идеально, как пазл, кусочек к кусочку, но Анну такое единство совсем не радовало. Потому что версия, которая у нее складывалась, была невыгодна ей и Леону. Настолько невыгодна, что хотелось просто закрыть глаза, притвориться, что она упустила это сходство, и начать поиск заново.

Но нет, она так не могла – она никогда не позволяла себе простые пути. Возможно, она и правда ошиблась, и это вскроется позже. Однако сейчас, прямо сейчас, ей нужно было принять эту версию и работать с ней.

Она говорила тихо, однако Леон, сидящий рядом с ней, все равно услышал.

– Что?..

Они ехали в его машине – она настояла, чтобы так было. Ее временный напарник был любопытен Анне, ей нравилось наблюдать за ним, и он был чуть ли не большей головоломкой, чем это дело. По крайней мере, до тех пор, пока она не вспомнила Джека...

Но Джек пока был всего лишь теорией, а мужчина, сидящий за рулем, – настоящим. Она хотела, чтобы вел он, потому что по манере управления машиной можно узнать больше, чем по тщательно продуманному резюме. Хотя для Анны эта поездка не стала открытием, она лишь получила подтверждение того, о чем догадывалась с первой встречи.

Он определенно был умен, но ей еще предстояло определить насколько. Зато она уже была уверена в его удивительной способности к концентрации. Леонид

Аграновский замечал все вокруг, оценивал скорость, расстояние, освещение с точностью компьютера, выбирал, как отреагировать, и предельно точно управлял каждым движением своего тела. Собирая информацию о нем, Анна выяснила, что он служил в армии – и долго, он был контрактником. Только вряд ли он научился этому, скорее, военное дело просто развило врожденный дар.

Еще он был из тех, кто управляет и принимает решения, а не из тех, кто выполняет. Анна видела это, да еще и поддразнивала, заставляя играть по ее правилам, однако настоящего соперничества с ним она не чувствовала. Она давно уже ни с кем не соревновалась и не пыталась доказать, что она лучше, ей это было просто не нужно.

Самым важным для нее было то, насколько он подходил для охоты за неведомым зверем, – а он подходил идеально. Он был силен: высокий, подтянутый, хорошо тренированный. Да и потом, если в теории Ломброзо был хоть какой-то толк, по ней Леон стал бы противоположностью преступнику – сверхчеловеком. Сам Ломброзо искал совсем не такого человека, поэтому не дал ему названия, но кто еще окажется естественным врагом маньяка? Анну эта мысль несколько забавляла – однако не настолько, чтобы не воспринимать ее всерьез.

У ее спутника было привлекательное лицо, быстро обращающее на себя внимание, а многих заставляющее засматриваться на него, Анна такое легко замечала. Симметричные черты, высокий лоб, челюсть четко очерченная, но не квадратная, нос аккуратный и тонкий, скулы высокие, не грубые. Редкий насыщенно-голубой оттенок глаз делал его взгляд пристальным, смущающим тех, кто был к нему не готов, а вот Анне он как раз нравился, в нем она видела вызов. Сходство с убийцей Ломброзо было разве что в угольно-черных волосах, однако приговор, вынесенный по такой черте, отправил бы за решетку большую часть населения Земли.

Нет, Анна не видела в нем ни убийцу, ни вора, ни насильника, причем не только по трудам Ломброзо, в которые она не слишком верила, а в целом. Но она видела в нем хищника, это интриговало ее – и делало Леона достойным соперником для их зверя. Ей было любопытно, к чему это приведет, она с таким не сталкивалась.

Однако теперь, когда она выбрала для этого маньяка прообраз, Анна начинала сомневаться: а хватит ли Леона на такое существо, каким был Джек?

- Я просто подумала о том, кто он, кем может быть.

- Кто, подозреваемый? - оживился Леон.

- Не в том смысле, который в это слово вкладываешь ты.

- Э-э... а в каком же?

Навигатор показывал, что ехать им еще около двадцати минут, а значит, время для разговора было.

- Он похож на Джека-потрошителя.

- На Джека-по... Так, стой, это тот лондонский чувак в цилиндре?

- Ты мыслишь стереотипами, но - да, это тот самый «чувак».

- Он здесь при чем? Он же чуть ли не из Средневековья!

- Он охотился в конце девятнадцатого века, - указала Анна.

- Охотился... вот как ты это называешь?

- Они все охотятся.

- Так при чем здесь он? - повторил Леон. Он то и дело переводил взгляд с дороги на нее и обратно.

- Лично он, понятное дело, ни при чем, потому что он давно мертв. Но я искала прообраз для нашего убийцы, и лучше всего подходит Джек-потрошитель.

- Зачем ты вообще это делаешь?

- Потому что понять зверя, совсем ничего о нем не зная, невозможно, нужно хоть чем-то руководствоваться. Тут нужен прообраз - серийный убийца, который, если судить по поступкам, действовал так же, как он, или похоже.

– А это точно научный метод? – фыркнул Леон.

– Это мой метод, и мне его достаточно. Так вот, я искала убийцу, с которым у этого психа может быть сходство. Установив такое сходство, можно было бы использовать для его поимки те же способы, с помощью которых поймали прообраз.

– Я, конечно, не эксперт, но... Джека-потрошителя вроде не поймали?

– Вот именно.

Поэтому Анне и не нравилась ее собственная теория, но отходить от нее она не собиралась – это было бы слабостью.

Леон относился к этому с явным сомнением, которое даже не пытался скрыть.

– Ну и что нам дает твой «Джек»?

– Пока – ничего, а после – увидим. Для начала давай посмотрим, что нам оставила Диана Жукова – мы, похоже, прибыли.

Участок дороги, на котором нашли машину и тело Дианы, теперь казался самым обычным, мимо него можно было проехать, ничего не заметив, и лишь выцветший букет искусственных цветов, примотанный к дереву, напоминал о том, что здесь оборвалась чья-то жизнь.

Леон остановил машину на обочине, и Анна вышла первой. Место было удивительно тихое: поля и леса, до ближайших деревень – не меньше получаса езды, да и машины тут появлялись не так часто. Тот, кто хорошо знал эту дорогу, без труда вычислил бы момент, когда она совсем пустынна.

В кювете у обочины легко угадывалась проплешина: вокруг нее растения были буйными, а там трава только-только восстановилась. Машина, упавшая вниз, взрыла землю и навсегда застыла между камней.

Анна прекрасно понимала, что важных улик они здесь не найдут. Но ей важно было осмотреть это место, представить, как действовал их зверь. Как он доставил сюда машину? Была ли Диана в тот момент жива? Как произошла авария?

Леон, похоже, размышлял о том же, что и она. Остановившись на краю дороги, он оглянулся по сторонам и заметил:

- Не думаю, что он мог бы устроить аварию.

- В смысле?

- Сначала я решил, что он устроил саму аварию: напоил Диану, усадил за руль, сделал все, чтобы машина ехала прямо до самого слета в кювет. Но посмотри на это место!

Она посмотрела - и лишь сейчас поняла то, что он разглядел сразу. Однако Анну это не оскорбило, она и сама заметила, что Леон поразительно внимателен в деталям.

- Здесь негде было так разогнаться, - сказала она. - Чтобы вот так оказаться в кювете, Диане нужно было выкрутить руль в сторону.

- А она этого сделать не могла - или не захотела бы, в каком бы состоянии она ни была. Он не устраивал аварию, он просто идеально построил декорации.

Леон не стал продолжать, но это оказалось и не нужно, Анна и так видела, к чему он клонит. Да, в этом есть смысл... Их зверь не мог полагаться на случайность: что, если авария не уничтожит тело жертвы так, как ему нужно? Поэтому он обработал и тело, и машину, а потом доставил их сюда.

Это было намного сложнее, чем просто разбить автомобиль. Ему потребовалась бы специальная техника... Хотя чему удивляться? Он без сомнений отдал умирающей проститутке десять тысяч долларов, он богат, он может получить все, что нужно.

- Знаешь, это место может быть важнее, чем я думал, - насторожился Леон.

– Ты считаешь, что он проводил подготовку здесь, прямо на дороге? Нет, не может быть, слишком опасно, – покачала головой Анна.

Трафик на этом участке был не слишком оживленным, но машины здесь все равно проезжали, это не американская пустыня, где вся жизнь представлена потерявшимися год назад туристами и двумя грифами. Он не стал бы так рисковать: его могли увидеть, и тогда ему пришлось бы избавляться от нежелательных свидетелей, а это, скорее всего, проблема: в его системе ценностей было оправдано убийство проституток и никого другого.

Однако Леон не собирался отступать:

– Машину он, понятное дело, уродовал не здесь. Но тело – наверняка где-то поблизости.

– С чего ты взял?

– До того, как мы сюда отправились, я говорил об этом с братом: жива она была или мертва? Мне казалось, что если бы она умерла при удалении почки и лежала непонятно сколько часов мертвой, это заметили бы, даже не присматриваясь. Дима со мной, в общем-то, согласился. Он считает, что она могла быть за рулем уже мертвой, но смерть все равно должна была наступить незадолго до аварии. И если бы он вез сюда просто мертвое тело – это одно.

Вот теперь Анна сообразила, к чему он клонит.

– Но в таком состоянии, как ее нашли, он бы не доставил сюда тело?

– Ему нужно было вести подготовку на месте, – кивнул Леон. – Да так, чтобы вокруг не осталось лишней крови.

Рядом с дорогой было не много мест, которые подходили для такого жестокого плана. Можно было, конечно, предположить, что убийца устроил расправу в собственной машине, на которой доставил сюда тело. Но тогда он получил бы автомобиль, полный крови, а кровь очень тяжело удалить, окончательно – почти невозможно.

Нет, гораздо проще было сделать это в небольшом леске, подступавшем вплотную к месту аварии. Когда тело было готово, убийце оставалось лишь перенести его в машину, уже спущенную в кювет, и правильно разместить. Ему все равно пришлось было полагаться на удачу – отчасти. Но при таком раскладе роль фортуны в его судьбе была не слишком велика.

Леон направился к лесу первым, Анна последовала за ним. Вряд ли убийца оставил за собой следы – а если бы и оставил, вряд ли они сохранились. С тех пор шли проливные дожди, палило солнце, дули ветры, и мелочь, упущенная их зверем, все равно была бы уничтожена. Но проверить все это стоило.

Лес казался поразительно милым и миролюбивым. Ровные полянки в тени молодых деревьев были идеальным местом для пикника. Гармоничное переплетение оттенков коричневого и зеленого, приправленное россыпью цветов, успокаивало, и сложно было поверить, что не так давно здесь полыхали алые пятна крови.

– Что именно ты надеешься увидеть? – поинтересовалась Анна.

– Сам не знаю... – угрюмо отозвался Леон. – Хоть какое-то доказательство того, что я угадал, пожалуй.

– Скорее всего, ты угадал.

– С доказательством было бы проще. У тебя есть хоть какое-то понимание твоего Джека. Если бы я точно знал, что угадал с этим, мне было бы проще верить, что я могу поймать его.

– Ты уже прошел дальше, чем все остальные.

– Этого недостаточно.

То, что для него этого было недостаточно, лишь подтверждало, что он станет хорошим охотником для такого зверя. Однако сам Леон этого бы не понял, и ей нужно было помочь ему. Только как?

На прямые улики надеяться не приходилось. Оглянувшись по сторонам, Анна заметила кое-что стоящее. Она подошла к одному из деревьев и кивнула на ствол.

- Что ты видишь? – любопытствовала она.

- Дерево. И не думаю, что оно готово дать показания!

- Да, но повод присмотреться к нему внимательней все равно есть.

Леон бросил на нее недоверчивый взгляд, но к дереву все же подошел.

По золотистой коре мельтешили маленькие черные точки насекомых – в основном муравьев, но попадались здесь и мошки. На других деревьях такого скопления не было, и Анне это говорило о многом. Она ожидала, что сейчас ей придется пояснять и отвечать на вопросы, но Леон все понял сам.

- Тут была кровь!

- И много крови, – подтвердила Анна. – Мы ее не видим, потому что дождь смыл почти все, что было. Но в трещинах коры осталось достаточно частичек, чтобы привлечь эту гоп-компанию.

- Нет доказательств, что это кровь Дианы.

- Никаких, и на анализ экспертам мы тут не наскребем. Но ты и сам знаешь, что это скорее ее кровь, чем не ее, не бывает таких совпадений. А значит, ты не ошибся. Если я права и он похож на Джека, ты не поймаешь его, я его не поймаю – по отдельности. Но если мы будем работать вместе, что-то, возможно, и получится.

* * *

Каштанчик старалась играть подальше от мамы и Тощего, особенно на пляже. Это она приходила сюда строить замки, собирать ракушки и чудесные гладкие камешки. Они искали на пляже отдаленный уголок, чтобы миловаться.

Каштанчик уже не помнила толком, кто научил ее этому слову, да и не знала, что именно оно означает. Но она была твердо уверена, что именно оно лучше всего отражает то, что делали мама и Тощий.

Они любили ходить рядом, держаться за руки, ворковать, как голуби на балконе, и нести всякую сюсюкающую чушь. Совсем как в детском саду! Каштанчик, которая с гордостью думала о поджидавших ее средних классах, считала это глупым.

Иногда у нее из-за спины доносились какие-то странные чмокающие звуки, шум шутильной борьбы и смеющийся голос мамы:

- Да ну, перестань, сумасшедший, здесь же ребенок!

Каштанчик только снисходительно закатывала глаза, как взрослая рядом с карапузами. Она никогда не оборачивалась на них и продолжала играть дальше.

Но сегодня ей было беспокойно. Сначала она даже не понимала почему: день был солнечным, море успокаивало ее своим шелестом, как и прежде, а она собиралась строить целый город из песка и ракушек. И все-таки что-то было не так... но что же?

Прошло немало времени, прежде чем она поняла: среди камней есть движение.

Эти камни и изгиб берега защищали их от большого пляжа, где сейчас было полно народу. Они устроились в стороне, и здесь было не так удобно, а в море так вообще не войти. Зато маме и Тощему очень нравилось тут миловаться, а остальное будто бы не имело значения. Зачем им море, если они есть друг у друга?

Они не первый раз забредали в этот уголок, и Каштанчик даже привыкла к нему. Она уже усвоила, что людей тут не бывает. Если кто и сворачивал в эту сторону, то, увидев маму и Тощего, прижимающихся друг к другу, они спешили уйти, иногда - покраснев, иногда - с шуточками.

Но в этот раз кто-то не ушел. Он держался в тени, таился среди камней, он наблюдал... Поначалу он был совсем незаметным, и Каштанчик улавливала его

только боковым зрением. Тогда она сделала вид, что вернулась к игре, но продолжила наблюдать за камнями через упавшие на лицо пряди волос, которые выгорели на солнце и стали почти рыжими.

Ее трюк сработал: тот, кто таился среди камней, шагнул поближе. Он не случайно оказался здесь, он подсматривал за ней, мамой и Тощим! А теперь Каштанчик смотрела на него, и он ей совсем не нравился.

Это был взрослый дядька, невысокий и коренастый, весь какой-то бледный, с широким лицом и глазами навывкате. Жуткий тип! Каштанчик не знала, сколько ему лет, ей все взрослые казались одинаковыми – они или старые, или не очень. Этот был не очень, как мама и Тощий. На пляже было жарко, но он пришел в темной одежде, хотя он вспотел так, что его длинные взлохмаченные волосы липли к лицу.

Он весь был какой-то темный – одежда, волосы эти, глаза и круги под глазами... Он ничего не делал, просто пялился на них, но от этого Каштанчику становилось не по себе.

Она резко обернулась к взрослым, которые пришли с ней на пляж.

– Мам... – позвала она и запнулась.

Ну вот опять они, опять! Прилипли друг к другу и лижут, противно же смотреть! Каштанчик смущенно поморщилась, а мама, заметив ее взгляд, тут же оттолкнула от себя Тощего, поправила платье и попыталась улыбнуться; получилось нервно и неубедительно.

– Что случилось, Каштанчик?

– Там... – Каштанчик снова посмотрела на камни, хотела указать на них, но обнаружила, что в этом больше нет смысла. В тени никого не было, Темный просто испарился.

– Что там? – спросила мама.

– Да уже... Показалось... Показалось, что собака!

– Ничего не бойся, маленькая, – засмеялся Тощий. – Пока я с тобой, тебя никакая собака не обидит!

Каштанчик только раздраженно фыркнула, но насмехаться над Тощим не стала – мама за такое ругалась.

Она и сама не могла понять, почему не рассказала им про Темного. Пожалуй, просто испугалась, что они осмеют ее: такая большая, а страшилки придумывает! Она ведь никак не могла доказать им, что он там был.

Да и какая разница, если был? Подумаешь, смотрел! Для себя Каштанчик решила, что это все-таки не важно. Посмотрел – и ушел, и больше уже не вернется, а значит, о нем вполне можно забыть.

Глава 4

Эмма Смит

Бумаги были повсюду. В тусклом свете настольной лампы они казались мягко мерцающими прямоугольниками, застилающими все вокруг: стол, диван и даже пол. Все это были копии, сделанные на плотной офисной бумаге, поэтому они смотрелись куда ярче и новее, чем первоисточники.

Леон всегда так работал – по крайней мере, пока он был следователем. Когда он принял сытую и спокойную должность начальника охраны, все стало иначе: на его клиента никто и не собирался нападать, вся его команда существовала скорее для видимости, никаких сложностей и вызовов в этой работе не было, и он откровенно скучал. А в полиции... да, там было поинтересней, и теперь ему предстояло снова вернуться к тому ритму, пусть и ненадолго.

Леону нравилось видеть перед собой всю картину. И он, и его брат умели замечать все детали одновременно, анализировать и находить среди них самую важную. Да, сейчас картина была большой и занимала собой всю комнату. Но это не отпугивало его – теперь, когда он почувствовал, что способен поймать убийцу, Леон не собирался отступать.

Джек, значит... Леон не слишком верил в эту теорию с Джеком-потрошителем, она казалась ему поверхностной. Какие могут быть параллели, если по делу убийцы Валентины Сурковой и Дианы Жуковой улики по-прежнему ничтожно мало? Но в чем-то Анна права: других вариантов все равно нет. Если ей так проще, пожалуйста, пусть считает его новым Джеком-потрошителем. Леон же просто называл его про себя «Джеком», чтобы хоть как-то обозначить его, придать этому существу форму, пол, возраст, сделать его трехмерным образом в своих теориях.

А потом поймать и посмотреть, насколько этот образ похож на настоящего убийцу. Это желание давало Леону силу, помогало разбираться с десятками документов и не думать о том, что за окном уже глубокая ночь.

В дверь тихо постучали – будто кошка лапой поскребла. Но кошки в его доме не было, зато была жена.

– Входи, – отозвался Леон. – Ты же знаешь, что не заперто.

Ту комнату, которую они изначально планировали сделать детской, он теперь использовал как свой кабинет. А дверь была не заперта лишь потому, что Леон постоянно забывал повесить на нее замок.

Дверь приоткрылась, и из темноты коридора в полумрак комнаты скользнула Лидия. Она старательно делала вид, что только что проснулась и случайно зашла к нему – вроде как направлялась на кухню водички попить и заметила свет. Но Леон прекрасно знал, что все это – показное выступление, Лидия устраивала такие, когда хотела внимания.

Она знала, что красива, и умела подчеркивать это. Вот и сейчас она пришла к нему в черном кружевном белье, поверх которого был наброшен прозрачный пеньюар, дымкой окружавший соблазнительные изгибы ее фигуры. Волосы завиты крупными волнами, на лице – идеальный макияж... спала она, конечно!

Нет, в целом Леон был доволен своей женой. Он не разбрасывался громкими признаниями вроде «Я люблю тебя», ему это казалось неуместным. Но он никогда не жалел, что выбрал именно ее. После нескольких лет брака она все еще манила его – хотя, конечно, не так, как раньше. Он слишком хорошо знал ее, Лидия могла доставить удовольствие, но не удивить. Он даже наловчился по ее

выбору белья угадывать, как она будет вести себя в постели. Его это несколько забавляло, однако в целом – устраивало, и он не хотел большего.

Но сейчас ему нельзя было расслабляться. Он был гончей, преследующей цель, ему хотелось побыстрее разгадать головоломку, снова одержать маленькую победу, прямо сейчас, без пауз, только Лидия вряд ли могла это понять, а он не собирался объяснять.

– Что делаешь? – проворковала она, подходя ближе.

Она шла медленно, покачивая бедрами, и Леон украдкой наблюдал за ней, но лишь затем, чтобы она не нарушила идеальный порядок бумаг.

– Работаю.

– В такое время?

– Иногда это нужно. Иди спать, я потом приду.

– Но зачем, если ты мне нужен сейчас? – улыбнулась Лидия.

– Затем, что сейчас я занят. Так, стоять!

Она явно собиралась прильнуть к нему, обнять за шею, поцеловать – она всегда так делала. Но сейчас резкий окрик застал ее врасплох и заставил замереть на месте.

– Ты больной, что ли? – раздраженно поинтересовалась Лидия.

Исчез томный прищур глаз, исчезло придыхание из голоса. Перед ним снова стояла его жена, где-то выискавшая наряд французской куртизанки.

– Это тема долгая и трудная, – усмехнулся Леон. – А стоять тебе нужно потому, что ты чуть не наступила на фото с места преступления.

Это была не сама фотография, а копия. Качество печати и черно-белые цвета чуть приглушили пугающий эффект – в оригинале почти все было красным. Но Лидия все равно сумела разглядеть, что лежит у ее ног, и в ужасе отшатнулась.

– Господи, что это такое?!

– Мертвая девушка. Все это, – Леон обвел рукой белый ковер из бумаг, устилавший комнату, – мертвые девушки.

– Зачем они тебе? Леон, почему пол детской комнаты усыпан фотками мертвых баб?!

– Это не детская, ты видела в квартире хоть одного ребенка?

– Это будет детская, а ты уже портишь тут энергетику!

– Даже не начинай.

Он не любил говорить об энергетике, потому что не верил в нее. Он не любил говорить о будущем, потому что считал его слишком неопределенным, чтобы обсуждать так уверенно. А главное, он не любил говорить о детях, потому что ему до сих пор сложно было представить себя в роли отца, а Лидию – в роли матери его детей. Леон понимал, что рано или поздно это случится, должно случиться. Но пока он бежал от этой мысли так, как бежал от мыслей о собственных родителях.

– Это ведь из-за Димы, да? – Лидия сердито скрестила руки на груди, окончательно погубив чарующий эффект пеньюара. – Из-за того дела, которым он тебя нагрузил?

– Что ты знаешь об этом деле? – насторожился Леон.

– Да ничего я не знаю, и в этом проблема! Я, твоя жена, ничего не знаю! Что вообще происходит?

– Ты не поверишь, но у меня ровно тот же вопрос. Как ты узнала, что Дима дал мне какое-то дело?

Она смутилась, поняла, что ляпнула лишнего, раскрыла козырь, для которого еще не пришло время. Но отступить было некуда, и Лидия выпалила:

– А чего ты еще хотел? Ты ведь мой муж, я беспокоюсь за тебя! Я заметила, что ты стал странным, каким-то нервным, я испугалась, что у тебя появились проблемы!

– Скорее, ты испугалась, что у меня появилась другая, – усмехнулся Леон, возвращаясь к просмотру бумаг.

– Я бы никогда так о тебе не подумала, я верю тебе!

– Ну да, конечно. И что же ты сделала дальше, хорошая жена?

– Позвонила тебе на работу, – обреченно признала Лидия. – А там сказали, что ты взял отпуск. И ничего мне не сообщил! Почему ты ничего не сказал?

– Потому что этот отпуск – не совсем отпуск, и тебя он не касается.

– Вот о чем я и говорю – тайны какие-то! Поэтому я пошла к Диме.

– А Дима с ходу, прямо с порога, все взял и рассказал тебе?

– Да ничего он мне не рассказал... Просто предупредил, что ты по его просьбе занят важным делом, вот и все.

Диме полагалось сказать об этом Леону – но он, как всегда, беспокоился о спокойствии в семье. У старшего брата на этот счет был пункт: он готов был сделать что угодно, лишь бы супруги не ссорились. Поэтому Леон знал, что упрекать его бесполезно.

Однако мириться с капризами жены он не собирался.

– Теперь, когда ты знаешь, что я не изменяю тебе, не ворую, не ем на завтрак младенцев, а просто помогаю полиции, ты оставишь меня в покое? – осведомился Леон.

- Да у тебя же тут всюду трупы! - развела руками Лидия. - Кто эти женщины?

- Преимущественно проститутки.

- Леон! Это же ненормально!

- Убивать проституток? Согласен, то еще развлечение.

- Ненормально лезть во все это! Сейчас же прекрати!

- Нет.

Он не собирался ничего ей доказывать, спорить или говорить о том, что погибшие жрицы любви - такие же люди, как и все остальные, и они никак не заслуживали смерти. Если Лидия не поняла это сразу, то уже и не поймет.

- Ну пожалуйста! - всхлипнула она. Шоу получалось слабенькое: взгляд у нее все равно оставался колючим и злым. - Ради меня!

- Нет.

- Ну и иди ты к черту!

Лидия развернулась и промаршировала прочь из комнаты; распахнувшийся пеньюар развевался за ней, как мантия за изгнанным монархом. Она хлопнула дверью, и вскоре из спальни, расположенной за стеной, послышались громкие театральные рыдания.

Леон мысленно посочувствовал соседям и вернулся к работе.

Все уголовные дела, собранные здесь, были частью теории о Джеке-потрошителе. Все они, кровавые, нераскрытые, оборвали чью-то жизнь, но за это никто не был наказан. Анна предполагала, что среди десятков забытых имен могут оказаться и жертвы Джека - первые, оставшиеся без должного внимания.

Убийства Валентины и Дианы указывали на слишком большой опыт, Леону и самому слабо верилось, что именно с них убийца и начал. Нет, должен был быть кто-то еще... Анна считала, что это проститутки – и всегда будут проститутки. Они для него – товар, он вроде как покупал их жизнь и этим оправдывал себя.

Поэтому Леон нашел материалы по всем нераскрытым убийствам за последний год. Он понятия не имел, найдет ли хоть что-то, возможно ли это. Но на его письменном столе постепенно росла стопка самых сложных дел, которые он хотел показать Анне.

* * *

Анна была впечатлена, хотя пока не собиралась показывать это – слишком рано. Она догадывалась, сколько нападений и убийств проститутток происходит в таком мегаполисе, как Москва, за год, сколько дел остается нераскрытыми. И из всего этого множества Леон выбрал и принес ей только семь папок.

Он делал вид, что это было для него легко. По его глазам Анна видела, что он не спал как минимум сутки – но только по глазам, в целом же он по-прежнему был в отличной форме.

Они встретились в ее доме – во внешней части, Анна по-прежнему не готова была показать ему больше. Они заняли комнату с гамаками, так ей было удобней работать. Да и Леон быстро приноровился устраиваться на лентях поудобней, он умел адаптироваться.

– Жуткое дело, – заметил он, разглядывая серый потолок комнаты. – Их там больше сотни с ходу нашлось. Правда, я брал не только проститутток как таковых, старался найти еще и этих девочек, которые маскируются и предлагают знакомства на одну ночь. Типа, я не такая, это не проституция, а просто секс за деньги.

– Правильно сделал, опыт Дианы Жуковой показывает, что он видит проститутку в любой женщине, принимающей деньги, и берет даже тех, что не были проданы ему.

– Да я не о том... Меня больше поразило, что их так много – мертвых!

Анна наконец оторвалась от файла, чтобы посмотреть на своего собеседника.

- Так ведь всегда так было. Это только на словах все человеческие жизни ценятся одинаково. На практике же - кому-то везет меньше. Образ проститутки закреплен в нашем подсознании и ничего хорошего в себе не несет.

- Не до такой же степени, чтобы убивать их.

- Но и жалеть их мало кто будет, а если будет, то не так, как других. Вот представь, что у тебя есть шанс спасти сорокалетнюю мать четырех детей и двадцатилетнюю одинокую проститутку, грязную и пьяную. Кого ты выберешь?

- Я отказываюсь отвечать на такие вопросы!

- Ты бы, конечно, как сверхчеловек спас обеих, - усмехнулась Анна. - Но большинство, краснея и сожалея, выбрали бы ту женщину, которую сочли бы приличной. Печально еще и то, что одни проститутки знают об этом, другие - нет, однако все они идут на одинаковый риск. Тебе известно, как звали проститутки при Джеке?

- А я похож на знатока всех тонкостей жизни проститутки?

- Леди ночи. Красиво, правда? Романтичное название, которое скрывало совсем не романтичную жизнь. Как думаешь, почему он выбрал их?

Леон старательно делал вид, что все эти расспросы, напрямую не связанные с делом, раздражают его, но Анна видела, что он заинтригован.

Это и понятно: приняв версию о Джеке, он готов был рассматривать ее всерьез. В этом они с Анной были похожи.

- Я так подозреваю, потому что добраться до них было проще всего, - отозвался Леон. - Заманить куда-нибудь подальше, и это ни у кого бы не вызвало сомнений.

– И это тоже, хотя проститутки были не единственными потенциально легкими жертвами. Лондон образца тысяча восемьсот восемьдесят восьмого был, прямо скажем, не детской игровой площадкой, а уж Уайтчепел даже там выделялся как опасный район. Много бедняков, много преступников, эмигрантов, приезжих, все меняются, никто никого не знает... Там были одинокие жены, вдовы, незамужние девушки, ютившиеся в комнатах по одной. Неизвестно, что было рискованней: уводить проститутку с улицы, привлекая внимание к ней и к себе, или наведаться к какой-нибудь даме, которая и сама будет хранить в секрете, с кем она встречалась в отсутствие мужа. Но он предпочитал проституток. Они в те времена были просто никому не нужны, их смерть воспринималась как нечто пусть и незаконное, но логичное. Во время охоты Джека в Уайтчепеле погибли одиннадцать проституток, но только с пятью полиция носилась перед народом и прессой – с теми, кого признали жертвами маньяка. Хотя, конечно, тут Джеку неслабо насолила Эмма Смит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ol-hovskaya_vlada/sindrom-dzheka-potroshitelya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)